

18+

Вера,
Надежда, Любовь

РОМАН

АВТОР РОМАНА

Наталья
Комисаренко

Наталья Комисаренко
Вера, Надежда, Любовь

«Издательские решения»

Комисаренко Н.

Вера, Надежда, Любовь / Н. Комисаренко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989801-2

В основу романа положена судьба сестер. Героиня романа Вера — полуграмотная деревенская девушка, на долю которой выпадает немало испытаний: война, смерть отца, на ее плечи свалилась забота о сестрах и помощь маме, спасала сестру от безнадежного состояния «Оказавшись в реанимации», до которого довел ее муж, сторя от ревности и т. д. Пройдя все испытания, Вера остается верной себе. Создавая роман «Вера, Надежда, Любовь», автор стремилась сохранить атмосферу жизненной реальности героев романа.

ISBN 978-5-44-989801-2

© Комисаренко Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
В Е Р А	6
СПАСЕННАЯ ДВАЖДЫ	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Вера, Надежда, Любовь

Наталья Комисаренко

© Наталья Комисаренко, 2020

ISBN 978-5-4498-9801-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Наталья очень любила раньше и любит сейчас вспоминать рассказы своей любимой бабушки, которые ассоциируются у нее с юностью-молодостью родителей бабушки и ее родителей, с давними временами, которые всю критикуются, но чаще вспоминаются людьми с любовью и ностальгией...

Роман Вера Надежда Любовь написан о жизни, о судьбах, об отношениях...

У Натальи с дочкой было любимым занятием игра: «вечер воспоминаний». Они садились на ее кровать с ногами и прикрывались пледом. Начинался вечер воспоминаний.

Листая семейный альбом, дочка вглядывалась в каждый снимок с напряженным любопытством.

Однажды она попросила:

– Расскажи мне о своей маме и ее сестрах! – и показывает на фотографию в альбоме. Наталья окунулась в свои чувства, мысли, радости, печали, в свои воспоминания... Девочка прижалась крепче к маме.

– Странное совпадение, что имена у них Вера, Надежда, Любовь! – сказала девочка.

– Это не совпадение! – сказала Наталья. – Их назвали именами больших человеческих чувств, или лучше сказать – способностей. Что удивительно, все они на свои имена похожи.

– Ты, мама, что-то не то говоришь. Как это можно быть на веру похожей? Или на любовь?

– А ты лучше присмотришься. Вот посередине с волнистыми, густыми волосами. Это моя мама, Вера. Она старшая сестра. Обрати внимание, как печально, но в то же время решительно ее красивое лицо. Их отца забрали на войну, и он пропал без вести. С трех лет она уже присматривала за младшими сестрами. Они рано остались без отца.

– Добрые люди, моей бабушке помогали все, чем могли. В их тяжелые время, моя мама, Вера окончила всего три класса, так как ей пришлось помогать по хозяйству и присматривать за сестрами.

– Расскажи о Наде. Это она?

– Да, справа, мама посередине, а слева Люба.

– Судьба у всех сложилась разная и о них я расскажу все по порядку.

– Мама, ты по этой фотографии вспоминаешь детство?

– Конечно.

– Мне бабушка часто повторяла: «Нельзя жить без веры, надежды и любви. Не будешь верить в людей, в светлые идеалы – голова забьется всякой ерундой. Надежду потеряешь – вкус к жизни потеряешь, все из рук повалится. Без любви и друга не найдешь».

Глава 1

В Е Р А

Вера родилась за семьдесят пять лет назад до того, как начинается мой рассказ, в маленькой деревне Красноталовка, р-н Мачешанский, республика Балашовская. Мать Веры – Валентина, родилась 20 сентября 1910 года. Родители Валентины, коренные жители Елани.

В ходе коллективизации сельского хозяйства, проведенной в Союзе СССР в 1928 – 1932 годах, происходило («раскулачивание») – насильственное лишение зажиточных крестьян.

Главы кулацких семей арестовывались. Члены семей кулаков подлежали выселению.

У кулаков конфисковали «скот, хозяйственные и жилые постройки, продовольственные, кормовые и семенные запасы, излишки домашнего имущества, а также и наличные деньги». Из наличных денег для обустройства на новом месте был фиксирован лимит «до 500 рублей на семью».

Попасть в списки кулаков, составлявшиеся на местах, мог практически любой крестьянин.

Подходили к раскулачиванию так: «дом хороший, даешь раскулачивать». Выносят из дома все, вплоть до того, что с людей снимали обувь и выгоняли на улицу... Вопли женщин, плач детей, разбазаривание имущества, отсутствие учета – все это создавало картину ночного грабежа...

Раскулачивание происходило без участия и игнорирования сельсовета. Из раскулаченных многие наложили на себя руки.

Зачастую производили аресты без всякого основания... в их число, и попал отец Валентины.

В качестве репрессивных мер ОГПУ было предложено: Направить его в необжитые местности произвести высылку: Сибирь – с «использованием на сельскохозяйственных работах». С полной конфискацией имущества и выселению их, денег разрешили оставить 500 рублей на семью: «Жена и двенадцать детей». Остались на вокзале без крова и денег.

Мать Валентины, пригласили на работу на общий двор в районном центре Елани, где останавливались на ночлег постояльцы из близлежащих окрестностей Еланского района и не только. Ей с детьми была предоставлена комната, где они и жили.

Судебные ошибки существовали у всех народов и во все времена. В соответствии УПК РФ (5 статья) реабилитация – восстановление в правах, восстановление утраченного доброго имени, отмена необоснованного обвинения невиновного лица из-за «отсутствия состава преступления». Реабилитация является полным восстановлением прав и репутации ввиду ложного обвинения.

В период 1930 —х все граждане, которые подверглись репрессиям со стороны данных органов были реабилитированы, в т. ч. и отец Валентины.

Реабилитированным возвращается и необходимое им для проживания недвижимое имущество (либо стоимость данного имущества), предусмотренных статьей 16.1 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий».

Но отец Валентины не дожил, он умер в ссылке. А жена отказалась от возврата конфискованного и утерянного вследствие применения репрессий имущества, возмещения других любых выплат ей и ее детям, в память о ее незаконно осужденном муже. Валентина с горечью вспоминала те тяжелые годы ее жизни с мамой.

Валентина рано вышла замуж, но счастье, было не долгим. В браке с Григорием, она прожила шесть лет. Любе, был один год, Надежде, два года, а Вере, три года, когда мужа забрали

на войну. Воспоминания Валентины Николаевны: – «Да, сегодня уже не осень сорок четвертого года или начало сорок пятого... – думала она. – В то время любой ценой надо было вдохнуть жизнь в разоренное и замерзшее хозяйство колхоза. Надо было добиться того, чтобы сердце колхоза забилося, надо было быть в главных рядах, чтобы создать из хаоса порядок. Сейчас осень сорок шестого года, первый год послевоенной пятилетки близится к концу; мы уже не хватаемся, за что попало; мы знаем наперед, что нам делать, у нас есть цель. И если мы хотим оставить за собой руководящее положение в семье, управлять и строить жизнь по своему плану, – мы должны уметь заглядывать в будущее и предвидеть, что потребует от нас жизнь через год, через два и через пять лет... То о чем говорится в этой книге, было одним из предупреждений завтрашнего дня: я иду, будьте готовы, иначе стремительный конь истории, выбросит вас из седла».

– О чем вы задумались, мама? – спросила Вера, заметив, что она улыбается про себя.

– О том, что мы можем быть полновластными хозяевами жизни... и будем ими. Только надо уметь глядеть далеко вперед, доченька. В июле сорок первого года, вспоминали они, – подъехавшую ко двору повозку, с упряжкой лошадей и сельских мужчин, находившихся в ней. В нее сел и отец Веры, Григорий, – который, посадил рядом с собой и своих дочерей. Управляющий этой повозкой, прокатил их в конец села и остановился.

– Все, приехали... – дальше вам нельзя, – сказал он.

Отец встал: – крепко, крепко, крепко обнял всех троих и поцеловал, но, не уронил не слезинки. Сказал нам: – я вас, очень сильно, сильно люблю, помните всегда об этом, договорились?

– Да! Хором ответили они.

– Но, а сейчас, мне пора... До свидания!

– Папа уехал со своими боевыми товарищами. Это война не знает жалости, деточки! – сказала Валентина.

Она, обняла двух дочерей, а третью взяла на руки и еще долго, долго стояли на этом месте. Дети, махали ручками и плакали, а она, их пыталась согреть своей материнской любовью и найти слова утешения, и детям, и себе, которые ей, было очень трудно подобрать... Она и Вера, прекрасно помнили; все мгновения того дня, эти печальные минуты прощания... Очень, очень, очень трудно вспоминать, те минуты, которые, остались, в их памяти: – «как отец, смотрел долго, долго оглядываясь в их сторону и махал рукой, и посылал им воздушные поцелуи, до тех пор, пока не скрылись с горизонта. А они, все стояли и не могли тронуться с места, плакали, не вытирая слез и махали, махали, махали ему в след, – который, уже, давно исчез, с их горизонта. Провожали их, всем селом, взрослые и их дети, и долго, долго, долго, шли за следом... Для Валентины начались черные дни, дни ожидания... Но главное, что тревожило Валентину – это судьба, ее трех дочерей.

На обратной дороге она успокаивала своих детей, что их папа, обязательно вернется к ним, с глазами полными слез, потому что, не могла совладать со своими чувствами, глядя им в глаза. У нее страдала душа, и болело ее сердце.

– Мне грустно видеть, как она страдала, – Вера смотрела на нее с нежностью и любовью.

– Ты права, доченька! Ваша нежность и любовь, и я просто не имею права раскисать, ради вас, ради нашего папы! Ты поймешь меня, когда подрастешь, моя красавица.

Наступило утро. Валентина проснулась и чувствовала себя усталой. Она вышла во двор и села на завалинку. Над широкими полями, простирались проселочные, неровные дороги. Еще по утреннему свежо и прохладно, капельки росы на огромной черешни в углу дворика нежилась под невысокими лучами, нежаркого солнца. Во дворе пахло мятой, пылью, кизячьим сумраком. Дети не подмечали этого...

И вдруг, из высокой амброзии выскочила Лайка. Она шла по саду, низко понуриив голову. Ее недлинная шерсть была белой. Собака была вся такая шелковистая, живая и миловидная, что Вера, как заметила ее, оживилась, ручонкой протерла заплаканные глазки и сказала:

– Привет, Лайка!

Лайка широко зевнула, немножечко повиляла хвостом, пытаясь сцапать свой хвост, и легла, положив голову Вере на колени.

– Она пришла ко мне, мама! – радостно сказала Вера в глубинку двора. – Лайка пришла к нам!

Мама ее не услышала, не откликнулась...

Вера подолгу сидела безмолвно, чтобы не потревожить Лайку, которая лежала у нее на коленях. Все думала о том, чем хорошо быть дворняжкой, ни о чем не думать, не мыться, вилять хвостом и валяться в траве.

Дворик просыпался. Из дома напротив вышла Гуреевна, имени которой она не знала. Знала только, что она Гуреевна, и называла просто бабушкой. За двором она разожгла костер. Она только что вернулась с пастбища, подоив свою буренку.

– Какая же ты стала невеста! Какую собачку одомашнила! – сказала она. – Нынче я к вам еще Маньку выпущу.

– Не нужно, – сказала Вера. – Не надо мне Маньку.

– Ишь, какая разборчивая невеста, – хихикнула Гуреевна, блеснув белыми зубками. Она вообще вся была очаровательная и смелая. К ней частенько приезжали и оставались ночевать близкие люди. Утром, провожая гостей в дорогу, им собирала корзину с продуктами. Гуреевна давала детям много конфет и домашнюю выпечку.

Манька осторожно вскарабкалась вверх по ступенькам крылечка и подошла к Вере. Она присела на корточки возле дворняжки и стала, любоваться ею. Затем стала поглаживать ее белую шелковистую шерстку и потрепала за хвостик. Лайка тут же вскочила и поежилась.

– Не тронь, – хмуро сказала Вера. – Она моя!

– Хорошо, прости меня, я не буду, – сказала Манька.

– Я буду в песочнице играть ... – И она принялась щепоткой рассыпать с места на место песок. Маньке не так давно исполнилось три годика.

По улице мимо проходили соседи.

Лайка зарычала.

– Свои! – сказала Вера. – Ай- я- яй, какая ты нехорошая, нельзя!

В полдень Лайка очень сильно испугала зашедшего во двор почтальона. Он был худощавым инвалидом, невысокого роста. Он сокращал себе путь, проходя через их двор. Неохотно отвечал на вопросы: « – Нет ли письма?», – прекрасно все понимая близких людей, так как сам был комиссован после ранения. – Кабы имелось письмо, сам бы сказал. – И уходил, таясь, опираясь на свой костыль.

Пробираясь через узкие тропинки огородов его всюду настигала лайка, которой уж очень нравилось потрепать его сумку с почтой. Вера, испугавшись за почтальона, тут же прибежала и подхватила Лайку на руки, но она не слушалась, продолжала вырываться у нее из рук. Испуганно старик произнес, – что ей нравится в моей сумке... – судорожно кричал он.

– Привяжите собаку! – твердил он. – Черт бы ее побрал... Как же она меня достала! Каждый раз одно и то же.

Валентина Николаевна, улыбаясь, подошла к ним. В руках у нее была тляпка. Оперевшись на тляпку сказала:

– Не злись, Ваня, успокойся, все пройдет, и раны твои утихнут... Еще на свадьбе Веринной гулять будем, – подмигнув – сказала она. – Дочкам собака в радость... А у меня их трое и рассмеялась..

– Я буду за ней смотреть. Она больше не будет. Не будет! Не будет! – негромко сказала Вера.

Почтальон любил пообщаться с Валентиной Николаевной, потом посмотрел на Веру, которая продолжала держать в руках лайку и задумался:

– Женщина от человека уходит, а собака – никогда... ведь не зря бытует в народе эта поговорка, – думал он. – А Лайку все-таки привяжите...

Валентина вернувшись с Верой во двор, привязала дворняжку на веревку....

Лайке это не понравилось, она изворачивалась, крутилась, пытаясь снять с себя веревку. Посмотрев на Веру печальными глазами, успокоилась и улеглась. Но только стоило Вере уйти, как Лайка стащила с себя петлю и сбежала.

Вера переживала, ждала целый день собаку, надеялась, что она вернется.

Приближалась уже ночь, собака все еще не возвращалась. Небо затягивало большими серыми тучами, надвигалась гроза. Вере было очень жалко собаку. Она сидела на крыльце и выглядывала Лайку. Калитка во двор скрипела, закрываясь и открываясь под напором сильного, холодного ветра. На улице запахло дождем и свежестью.

Валентина Николаевна была сердита. Гремел гром, сверкали молнии, ветром обламывало сухие ветки деревьев. Мама заставила Веру зайти в коридор и закрыть дверь на ключ.. Они сидели в темной комнате – сэкономили керосин – и все еще не ложились спать, слушали, как по стеклу стучали крупные дождевые капли...

Думала как далеко от них сейчас – на фронте – защищает их покой муж и отец детей.. Веры, Нади и Любы. От него давно не было ни какой весточки. Думала о том: – Где он? Что с ним? Жив ли он...? – Ее ни покидало тяжелое ощущение грусти и тоски по мужу. А тем временем шел проливной дождь, гремел гром, сверкали молнии, и она представила, как взрываются гранаты перед ее мужем.

Задумчиво она смотрела в окно и вдруг увидела на пороге Лайку. Обрадовавшись, зажгла свечку.. А Вера в этот момент почувствовала, что вернулась Лайка, и побежала открывать дверь.

Собака сидела на крыльце совершенно мокрой и дрожала. Увидев Веру, обрадовалась, завиляла грязным хвостом. Мокрая шерсть была грязной и вся слиплась, что в какой-то момент ей показалось, что собака облысела.

– Впусти ее мама! – просила Вера. – Она промокла и замерзла...

Мама промолчала, и Вера решила, что, значит, можно.

Она позвала Лайку в дом.

– Иди же! Иди скорее! Заходи сюда, пожалуйста! – Протянув ручки к ней.

Лайка, виляя грязным хвостом, нерешительно все же зашла в дом. По рукам ударили дождевые холодные крупные капли и брызги полетели Вере в лицо. На улице лил беспрестанно, холодный, крупными каплями дождь, ломая ветки сухих деревьев. Которые со скрипом и хрустом падали на землю. Улицы села были темными.

Вера постелила ей половичок у порога. Она нерешительно прошла и легла на него. Почувствовался запах псины..

Мама усилила огонек лампы. Стало светлее и веселее.

Лайка пробыла в доме до утра.

Полутру Валентина Николаевна выходила во двор и выпустила Лайку. У порога еще долго лежал половичок, и виднелось мокрое пятно от Лайки..

– В деревне не было дров. – Мама и мы, ходили в лес, – лазили по деревьям, мы, обламывали, а мама, спиливала сухие ветки. Эта был непосильный, опасный и тяжелый труд. – Сказала Вера.

– Крыша была ветхая, помазана глиной. По всей крыше виднелись глубокие трещины от разошедшейся глины. С крыши, сосед, воровал готовые дрова. – «Бесстыжий, у моих детей

отец на фронте кровь мешками проливает, а он ворует!.. Не стыдно! У женщины воровать, а?» – Сказала Валентина.

Так прошел год.

Валентина видела, что дочери стали подрастать и оживать. Войну они видели издалека, слышали, когда многие часы длились воздушные тревоги, взрывы, с потолка при каждом, даже дальнем взрыве сыпались белые чешуйки штукатурки. В те времена Вера и привыкла сидеть, уперев голову в стенку и закрыв глаза.

Однажды они пришли и сказали, что ежевика так называется от слова «еж». У нее ветки с шипами, колючие. И ежик колючий. Вот ее и назвали.

Валентина заплакала.

– Вы чего? – спросила Вера.

– Так... просто так... – Какое-то предчувствие, охватило вдруг, резко, Валентину.

Валентина замерла, побледнела... Больно резануло по сердцу Валентины, когда, – она, рано утром, увидела стоящего у двора почтальона и держащего в руках письмо. Она еле держалась на ногах... Никогда прежде она не видела почтальона в таком состоянии, его скорбный взгляд, избегающий глаз Валентины. Взяв из рук почтальона письмо, она молча, – едва зашла в дом.

– Эти высокие награды он получил еще в прошлом году, но носить их ему, так и не удалось...

Вера стала с сочувствием расспрашивать о письме, но видя бледность лица мамы, засуетилась, предлагая сердечных капель. Валентина была на грани истерики, слезы стояли в горле комом. Валентина уже не видела строк: – ноги ее не слушались, потому что она уже ни чего не чувствовала, не чувствовала и того, – «как земля уходила у нее из под ног». Она вопросительно посмотрела на детей и прошептала:

– Папы нет... его больше не будет... он... он... он... пропал без вести, – она больше не могла говорить. Молчала и просто смотрела на листок бумаги:

«Ваш муж рядовой Побочий Григорий Анатольевич 1909 года, уроженец Волгоградской области. Еланского района, с. Красноталовка в бою за социалистическую Родину, верной воинской присяге, проявив героизм и мужество – — — — — -пропал без вести в апреле 1942 года.

Похоронен: — — — — —
— — — — — -Основание: Именной список д №34, №44, №26.

Киквидзенский райвоенкомат майор Каркушевский, Волгоградской области. (Выдан – дубликат – 3 июня 1985 г. за №49 Киквидзе.)»

Но потом заплакала и рассказала детям всю правду. Они стояли все рядом, смотрели на нее и молча плакали. Но она не замечала ни их взглядов, не видела их слез, ни чего вообще, Валентина замерла: «Последние новости... Последние новости...» Для Валентины последняя новость была горькой. – «Ваш муж рядовой Побочий Григорий Анатольевич 1909 года, пропал без вести в апреле 1942 года.» Сейчас не имело никакого значения, как же так: «Молодой, красивый, любящий детей и жизнь... Неужели все это должно кончиться?.. Надежды... надежды... надежды... Некоторое время они смотрели друг на друга, дети и молодая мама, подавленная известием... Как изменилась наша жизнь, с грустью думала Валентина, я бы, все отдала, лишь бы он был жив...

Память о нем, в моем сердце будет жить вечно:

Память о нем жива.

Мы будем помнить,

Чтить поклоном низким
Мы в сердце вечными словами.
Погибшему Григорию

Не хочет она этому верить... Не хотела быть вдовой... Валентина молчала, боясь причинить боль детям.

– Гришенька... Мне очень жаль Гриша. Но... как же мы с детьми? Что будет с нами? – Помрачневшее лицо Валентины. И новые вопросы...

И все должна была предвидеть Валентина – вовремя распознать, правильно оценить и сделать выводы. Она чутко прислушивалась к поступи нового, любовно и заботливо оберегала каждый росток новой жизни; она терпеливо и мудро строила мост от настоящего к будущему, все время, оставаясь на боевом посту, заботясь чтобы болезни старого, побежденного мира не заражали новую жизнь, чтобы ничто не задерживало прекрасного цветения ее детей.

Великая, мудрая Валентина Николаевна...

Каждый раз, направляясь на работу, внутренне подтягивалась. И каждый раз, уходя с работы, она чувствовала, что стала зорче, множество новых мыслей освещали далеко вперед предстоящий путь. И всегда ей казалось, что она неоплатный должник мужу, ибо всю свою сознательную жизнь брала и брала из неиссякаемых хранилищ ее мудрости.

У Веры вошло в привычку, по вечерам подводить итоги прошедшего дня; оба они жили напряженной жизнью, у них столько было обязанностей, что редкий день казался им проведенным без пользы. Вера закончила всего три класса начальной школы, выполняя в то же время обязанности по домашнему хозяйству; на ее плечах еще лежала большая забота о Нади и Любе. Нет, никто не мог бы упрекнуть ее в том, что она мало работала и избегала трудностей. Но откуда все-таки это недовольство собой? Почему она много не успевает сделать? Ее постоянное стремление наверх стало упущенным.

Валентина задумалась. Одна не может охватить и сделать все... Надо уметь заметить главное, решающее... Главное и важное меняется, не стоит на месте... Только иногда упустишь что-то из виду, потеряешь самоконтроль – и глядь получилась ошибка. Она сама не знала, что в ней за внешней хрупкостью скрываются и незаурядная сила воли и упорство. Но это видели и знали другие, те, кто должны были видеть.

Уже полдень, Валентина и Вера остановились отдохнуть у зерна на току. Самого хозяина не было: повез на заготовительный пункт зерно. Вере исполнилось двадцать лет, и она работала с ней.

– «Какая ясная, светлая, – подумала Валентина, глядя на нее уже глазами взрослой дочери... – Что за глаза – точно два золотых солнышка... так и, кажется, что они готовы осветить и согреть весь мир».

На Веру заглядывались многие местные парни и здесь, она увидела как, один знакомый, на нее смотрел, заметив, что мама увидела тоже, Вера покраснела, и начала быстро объяснять:

– Это он осенью, когда из Полтавы приезжал, мы с ним и познакомились. Прямо ужас, какой высокий стал. Десять дней работал у нас в поле. Хотел помочь и во время молотбы, да уезжать надо было.

– Как вы думаете сейчас хозяйничать? – поприветствовав их, перебил тему разговора Алексей, который подошел к ним.

– Добрый день, Леша! – ответила на его приветствие Валентина Николаевна.

– У нас все говорят, что надо скорее организовать колхоз. Некоторые соседи тоже согласны объединиться. Если бы и остальные согласились, то к весне у нас был бы колхоз.

– А что думаешь, ты? – спросила она его.

– Я-то первый согласился. Отец больше сомневался, но и он, стал уговаривать соседей.

Услышав, о чем идет разговор, к ним присоединился его отец, Петр.

– Если вы организуете колхоз, я обещаю, что мой сын возьмет над вашей дочерью шефство, – сказал он – Я серьезно говорю! А мы поможем им, общими усилиями проведем свадьбу, а там еще в чем-нибудь поможем... Хорошая будет жизнь...

– Почему ей не быть хорошей – с помощниками, – семья это хорошо, – согласилась Валентина. – Я все время об этом говорю.

– Господь один ведает, что только выйдет из нашей шутки, – вздыхала Валентина, наблюдая за Верой и Алексеем.

– Умные, сильные, здоровые, молодые – надо им помочь, они такая красивая пара и чего еще ждать! Что им еще надо? Поможем? ... – ухмыльнулся Петр. Ждите нас в гости, если вы не против, а?

– Обезумели, как есть обезумели, – причитала Вера. Людям на посмешище. Алексей тоже хорош: стоял и молчал, как будто бы согласен, а мам?

– Да, доченька! Мне показалось, что ты ему нравишься! А, он тебе?

– Я не хочу об этом пока думать мама! Не знаю!.. Сколько сюрпризов преподносит нам жизнь. Это невероятно, ведь так, мама?

– И в самом деле, невероятно...

– Нам повезло с тобой, доченька. Я вас окружала любовью и нежностью. Вот так случается, дети встречаются, влюбляются и женятся. Совсем как ты и Алексей...

– О чем это ты размышляла? – Вера! – Валентина Николаевна посмотрела ей в глаза очень внимательно. – Ведь так, Вера?

– Да, да, я слушаю тебя очень внимательно. – А, вот в чем дело! – рассмеялась Вера. – Я сегодня с ним буду помолвлена? Кажется так?

– Прерывая их разговор, раздался желанный стук в дверь.

– Добрый вечер! А вот и мы! – весело приветствовал отец Алексея.

– Добрый вечер! Проходите в комнату, – пригласила их ласково Валентина Николаевна.

Мир и покой, водворившиеся, наконец, в доме Валентины, не могли не радовать всех ее обитателей. Алексей с Верой, совершенно выбитые из колеи привычной жизни, начали приходить в себя. Шаг за шагом, слово за словом – и они подружились. Узнав, что отец Веры пропал без вести, он понял, что на него ложится еще одна обязанность: надо заменить бедняжке отца, а теще «мужа», чтобы они чувствовали присутствие мужчин; он и его отец, теперь с ними. Что ни говори, а они не на родной сторонке... – Чего ты все беспокоишься, мать? Алексей скоро будет для вас с Верой помощником, а я, ему во всем помогу, – отшучивался Петр. – Тогда больше не придется вам думать за тяжелый труд, самим.

– Так уж и самим! – улыбнулась Валентина. – Нас здесь не обижали, мы не чувствовали себя одинокими... – Но мужская сила нам нужна...

– Первое время – пожалуй, будет трудно, надо построить дом. Я буду с вами рядом, – сказал Петр.

Все в этот вечер сулило радости. И все же за ужином еще раз возник разговор о муже – слишком силен был удар... Столько было в глухом голосе Валентины затаенной тоски, а в глазах – невысказанной боли, что Валентина, вспомнив об этом мимолетном разговоре за ужином, решила никому о нем не говорить. К чему ворошить прошлое? Что было – то было... Теперь у нее другая жизнь, другие заботы. Но где-то в уголке ее сердца притаилась тихая печаль, когда она вспомнила Григория. Петр Петрович предлагал свою помощь, говорил о строительстве нового дома, что, мы, все вместе займемся стройкой.

А Вера, поистине огорошенная этим неожиданным событием, в изумлении переводила взгляд с матери на отца Алексея, не в силах вымолвить и слова.

– Да очнись, Веронька! – засмеялся Петр. – Конечно, не каждый день на голову сваливаются сваты! Ну, ничего, назначим день вашей свадьбы и все, девочка!..

Наконец-то она пришла в себя, но все еще не сводила непонимающих глаз с матери и отца Алексея.

– О чем это вы, Петр Петрович?

– Ну как не понять! О вашей предстоящей свадьбе, мы черным по белому все решили – с Валентиной Николаевной согласовали, осталось получить ваше согласие, ну? Слушаем вас! Вы согласны?

– Позволь-ка, сын, ответь, ты согласен? – спросил Петр.

– Да, отец! Я согласен! Ты, согласна Вера, выйти за меня замуж?

– Да! Согласна! Я согласна стать, твоей женой, Леша!

Состоялась помолвка Веры и Алексея, свадьба назначена через месяц, но молодым людям все еще не верилось, что вот-такой, может быть, поворот в их судьбе.

Петр Петрович и Валентина Николаевна строили планы на будущее – где молодожены будут жить после бракосочетания. Валентина была бы рада, если бы они остались здесь, в этом старом, дорогом для нее доме – молодые голоса, молодая жизнь. И какой смысл жить отдельно, построим новый большой дом, и места хватит, всем... Конечно, Вера была на седьмом небе оттого, что ее судьба сложилась именно так, а не иначе, рада, что познакомилась с Алексеем, благодаря Петру Петровичу и Валентине Николаевны, которые помогли им, в их судьбе... Если б еще жил ее отец, как он был бы счастлив за Веру. Наверное, его предсмертные молитвы услышал сам господь бог, ведь отец так хотел, чтобы дочери были счастливы и хорошими людьми...

Церемония бракосочетания Веры и Алексея прошла очень скромно, так захотели оба, решив, что ни к чему пышная свадьба, им предстоят расходы на строительство дома. Венчал их, как всегда мечтала Вера, батюшка Олег, который это делал с особым удовольствием. Ведь это он определил девушку судьбу, привел в колхоз его отца, своего друга.

Священник был счастлив радостями и печалился горестями других людей, своих прихожан – таково призвание отцов церкви. И свадьбу Веры считал в душе завершением своей миссии в судьбе этой девушки, он покидал Красноталовку с сознанием исполненного долга.

Батюшка искренне любовался Верой – в белом подвенечном платье, окутанная воздушной фатой, она была похожа на ангельское существо... Но более всего ликовала душа священника – его юная прихожанка жила верой, совершая все по совести и милосердию, с именем божьим на устах... Он видел, как были счастливы в этот день родители: Петр Петрович и Валентина Николаевна.

Свадебный вечер в доме Совиновой прошел словно сон. Радостные и счастливые лица гостей и все желали им счастья.

И радости и горести испытала Вера в своем доме, но любила его, любила все, что было связано с короткими воспоминаниями о детстве, об отце. Алексею уже было известно, что с годами в памяти человека сохраняется, пусть и с налетом грусти, только самое хорошее. Ему безумно хотелось, чтобы Вера была бы счастлива в своем доме с ним, он сделает все, чтобы так оно и было. Он забыл в эти минуты, даже, о разговоре его с Верой, о Москве. Упорная борьба Веры, начатая еще, со дня их знакомства. Она заставляла думать его и беречь каждую минуту, чтобы решить проблему со слухом. Она смотрела на жизнь далеко вперед.

– Штука такая, что нам через несколько дней надо собираться в Москву.

– Ну да! На что я в Москве нужна? – отшутилась Вера.

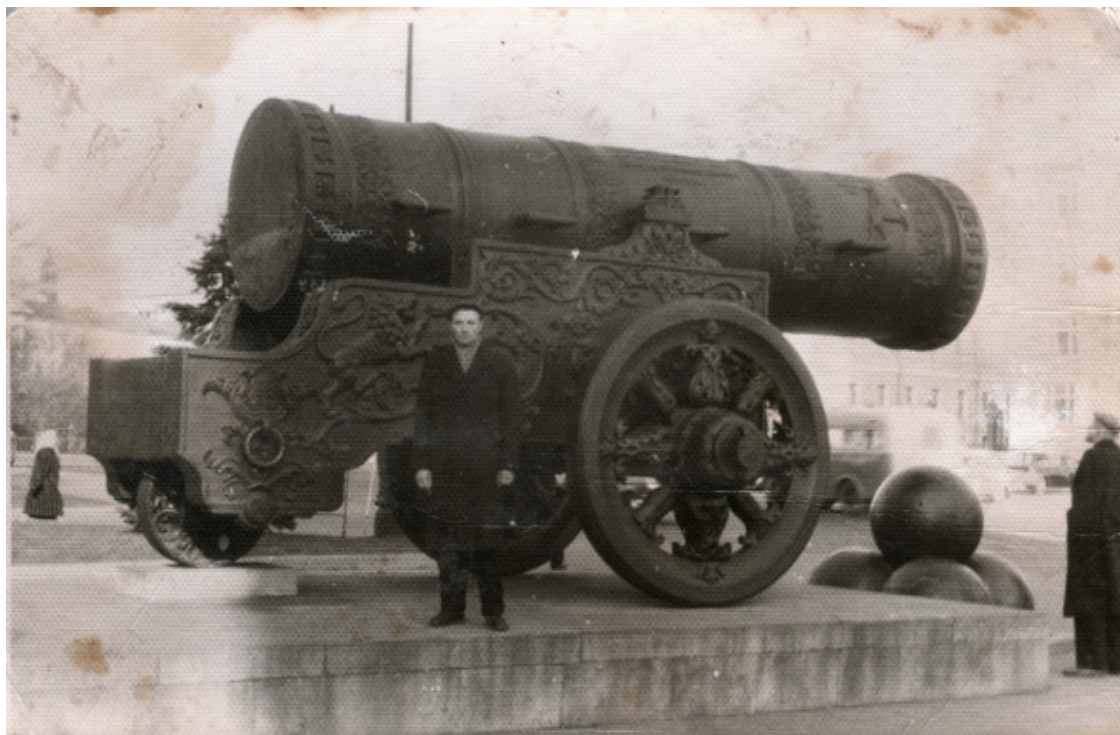
– Вот встретят нас Аистовы Сергей Михайлович и Анна Ивановна, так что, скоро мы увидим Москву. – Что, рад? Я сама не меньше твоего радуюсь; приятно, черт возьми, что нам выпала такая честь.

– У Алексея сильно забилося сердце. Да, вот еще бы со слухом разобраться, – сказал он.

Они посмотрели друг на друга, и оба засмеялись. Вопрос был еще не решен.
– Желаю тебе удачи. Не беспокойся и не думай, о твоём слухе позаботится Сергей Михайлович, – сказала, улыбнувшись, Вера. – Тебе тоже предстоит немалое терпение: несколько

недель подряд будут обследовать, пока добьются каких-то результатов и точности твоего диагноза. В Москве профессора, тем более военные и знакомые Сергея Михайловича. Он покачал головой и тихо засмеялся.

На обратном пути из клиники, вместе с Сергей Михайловичем, вышли из ворот Кремля на Красную площадь. Много увидели они за две с половиной недели, прожитые ими в Москве; они были полны впечатлений, которыми суждено было долгое время питать их души...

После напряженных дней обследования, дорога, и вот он – огромный город со своими замечательными зданиями, широкими магистралями и площадями. Московское метро, где каждая станция вызвала в памяти у Алексея и Веры, слышанные в детстве от мамы сказки о волшебных замках, Химкинский речной вокзал, стадион «Динамо», гостиница «Москва», непрерывный поток машин в Охотном ряду – все поражало их взор. Но глубже всего запечатлелось в их памяти спокойное мерцание рубиновых звезд на башнях Кремля и тихий Мавзолей на красной площади.

В тот день они были у гроба Ленина – создателя великой партии и Советской страны. Бесконечные вереницы людей с обнаженными головами тихим шагом проходили мимо гроба, с любовью и благодарностью глядя на дорогие черты, запоминая их на всю жизнь.

В этот день они с Сергей Михайловичем долго ходили по городу...

С первого дня Алексея и Веру захватило ощущение беспредельной шири, простора. Этот простор, это мощное дыхание, эти гигантские очертания всей страны угадывались в облике самой столицы, ритме ее жизни, в зданиях и людях. Здесь было собрано все лучшее, что дал гений народа в искусстве, культуре и науке. И еще, что почувствовали здесь с особой силой Алексей и Вера – это дух содружества.

Наконец – парад. Волшебство красок, звуков и движений, свидетелями и участниками которого были они сами. Перед глазами зрителей раскрывались огромная, многокрасочная панорама, подобной которой невозможно было бы создать при отображении жизни народов других государств. Огромные гербы республик сверкали на солнце, красным пламенем пылал шелк знамен.

К концу месяца они полностью прошли обследование и получили совсем неутешительный прогноз: диагноз «полная глухота» – операция не имела смысла. Так как зарубцевались все слуховые перепонки по прошествии лет.

– Я хочу, чтобы вы прооперировали меня! – просил Алексей.

– Нет! Я вам не враг! Это бессмысленно и результата не будет. Подумайте о своем здоровье, вы еще молод и красив. Проживете и так... – уговаривал его профессор.

– Как знать... – задумчиво сказал Алексей. – Я должен подумать и сам все решить, каким опасностям себя подвергаю этой операцией. Вы отлично понимаете, что такое для меня слух! Другого такого случая не было в моей жизни и неизвестно, будет ли.

– Мне не очень приятно было говорить, вам правду, – тем более, такого рода. Но, увы! К великому сожалению, другого сказать, не имею права. Зачем же давать вам надежду, тем более ложную, – еще раз, подчеркнул он. – Желаю вам удачи и успехов в работе, Алексей. Вы мужественный и сильный духом мужчина, у вас, все получится! Уверяю вас! Не теряйте оптимизма, выше голову, Алексей! Вы сильный! Тем более, с такой, красавицей женой! – подмигнув ему, пошутил еще раз, профессор.

– Спасибо! – удрученный таким диагнозом, неохотно ответил Алексей.

Все лето погода стояла, словно в теплице: несколько дней лил благодатный, теплый дождь, и опять светило солнце, выгоняя и стебли, и колос; потом опять дождь и опять солнце – и так до конца лета. Селяне давно не понимали такого богатого урожая.

– Теперь мы живем, – радовались они, налаживая косы.

– Даже бог начинает помогать нам строить дом, – весело шутили они.

Алексей начал строить дом и стал ждать приближения заветного, долгожданного дня, рождения первенцев – впереди у них целая жизнь!

«И все необходимо знать, ничто не окажется лишним. Пожалуй, теперь Алексей понял, какую ответственность надо иметь, если он хочет быть хозяином в доме. Строит дом он с удовольствием, со вкусом, и такие вещи, как скука или что-нибудь в этом роде, для него не существуют. Еще немного времени, и дом будет построен. Не прими это за самохвальство. Я отдаю лишь должное своей семье. Будущей весной или вначале лета получу отпуск, тогда все вместе закончим недоделки в доме. Пригласим отца и мать, ты ведь помнишь, как нас встречали – горячими лепешками и свежим пахтаньем...»

Алексей не спешил уходить из плотницкого цеха: ему хотелось, чтобы все разошлись, а то начнут допытываться, что он там еще затевает.

Вера и Валентина Николаевна, как уговорились, ждали его у ворот.

– В чем дело, Леша? – спросила Вера.

– Хочу вам кое-что показать. Идемте со мной. Больше пятнадцати минут это дело не займет.

Сгорая от любопытства, они пошли за Алексеем. Дойдя до их дома, зашли в него. Дав им осмотреть дом, Алексей спросил:

– Хотелось бы вам переехать сюда, как можно быстрее?

– Еще бы не хотелось, Лешенька, – быстро отозвалась Валентина Николаевна. – А можно?

– Очень даже можно, – торжественно сказал Алексей. – Если хотите, я приглашу еще своего друга и мы все недоделки с ним, ускорим.

– Конечно, и мы с Верой вам поможем, – улыбнулась растроганная Валентина Николаевна и обняла Алексея за плечи. – Чем скорее, тем лучше.

Дальнейшее совершилось быстро и организовано.

– На том месте, где раньше была землянка, стоял, большой новый дом. – Валентина Николаевна медленно переходила из комнаты в комнату. Нигде она не нашла следов прежней жизни, только вешалка в передней осталась старая. Дорожки, занавески, посуда на полках в кухне – все было незнакомое.

– Завтра мы и кровати привезем, – сказал Алексей, – может, и еще что понадобится, всего наперед не предусмотреть. – Большое спасибо! – кланяясь вслед Алексею и провожая его взглядом, пока тот сходил по ступенькам. И потом направились за ним следом. – А сейчас устроим семейный совет и все вместе решим, как мы будем жить в дальнейшем. Такой серьезный вопрос нельзя решать, без ведома, всей семьи.

Алексей объяснял им, что добровольно нужно написать заявление о вступлении в колхоз, за личной подписью каждого члена семьи. Он говорил, что не всякий еще достоин этого, не всякого примут в колхоз. – А теперь обсудим, – где у нас будет центр колхоза? Я со своей стороны, предлагаю остановиться, на селе Свет. Потому, что это село находится на самой середине нашего колхоза. И надворные постройки там самые подходящие для обобщественного хозяйства.

– Село «СВЕТ» – самое подходящее село для центра! – поддержали его, Валентина Николаевна и Вера. – Ферма и конюшня будет в Красноталовке и Красновке, а свиноферма в Носовке. Пастбищ кругом сколько хочешь. Там и механическая дойка и всякое благоустройство, лучшего места для животноводческой фермы не найти. Я сам там одно время работал, когда строили.

На сердце у него было много новых забот и новых радостей. «Вот теперь ты можешь быть и счастливым и гордым, – думает он, – исполнилась самая заветная дума, и ты сам помогал, чтобы она исполнилась. Пришли они, новые времена, теперь учишься жить по-новому...»

Алексея по совместительству взяли в колхоз пчеловодом. Добрым, ласковым взглядом окидывал он окутанные дымкой поля луга. Сотни раз ходил по этой дороге, наблюдал эти же самые пашни, и никогда они не казались ему такими прекрасными, родными. Он затормозил мотоцикл и обнял Веру. С бугра, на котором остановился мотоцикл, они видели все расстилающиеся впереди поля. Хлеба были давно убраны, вдалеке пыхтел мотор молотилки, покатым южным склоном пестрел от множества улыбок. Величаво высились кое-где огромные деревья в желтом, опадающем уборе; воды реки Елань лежали в своих берегах тихие, свинцово-серые, как ноябрьское небо.

Они старались охватить все, что открылось их взору. И то, что одни и те же впечатления одинаково ложились в их души, наполняло обоих неизъяснимым чувством полноты жизни, счастья.

– «Я буду работать всю жизнь, – говорил сам себе Алексей, – буду участвовать в осуществлении великих дел своего народа и своей семьи. Мертвым не нужны жалостные слова и грустные вздохи. Они требуют, чтобы ты строил жизнь и чтобы никогда больше не повторились эти ужасы... Клянусь, всегда буду помнить, что сказала однажды мама, в свои последние минуты жизни: «Что может быть, Алеша, прекраснее, благороднее нашей борьбы!»

Пужинав в кругу семьи, Алексей пошел в спальню почитать газету. Пришлось взяться за карандаш и бумагу. Он хотел принять участие в расчетах, и через час вопрос был решен, даже наброски успел сделать. – Остается еще один важный вопрос, – объявил Алексей. – Надо твердо, раз и навсегда решить, сколько скота и земли будем оставлять в личное пользование. Кто желает высказаться?

Вера с Валентиной Николаевной переглянулись. – А ты что предлагаешь, Леша? – спросила Вера.

– Достаточно одной коровы и теленка. А ведь, кроме того, будут и свинки, и овцы, птица в неограниченном числе, да еще и пчелы со всеми трутнями, – перечислил Алексей.

– Лучше без трутней, Лешенька! – отшутилась Валентина Николаевна. – Нам в семье трутни не нужны.

– Так я же про индивидуальных пчел говорю, – отшутился в свою очередь Алексей. – А что касается приусадебных участков, так мне, например, и полгектара будет довольно. А мало будет, можно прикинуть еще соток десять.

– Правильно, Леша! – весело согласилась Вера.

– Дело в том, Вера, что вы меньше будете заботиться о процветании общего хозяйства, чем о своей скотине, о своей земле, – с улыбкой сказал Алексей. – Колхозную собственность надо оберегать и любить так же, как вы до сих пор оберегали и любили частную, даже еще сильнее. Но этим, буду заниматься я! Так идет? А вы будите растить детишек, да?

– Других предложений нет? – спросил Алексей. – Если нет, тогда порядка ради проголо- суем оба. Кто за, прошу поднять руку.

– Поднялись две руки, – сам Алексей от смущения забыл поддержать свое предложение и руки не поднял.

– Леша, а ты чего руку не поднял, ты против? – отшутилась Вера.

– Ну что ты! И он поднял сразу две руки. Я за, обеими руками, – сказал он.

Дома Алексея ждала приятная новость:

Уже близится момент, когда ты обнимешь своего сына или дочь, – сказала Вера.

– Это правда, мама, правда, то, что сказала Вера? – Алексей, не спуская глаз, с мольбой смотрел на жену. – Ответь те же, это правда?

– Да, да, да, Леша, это правда! – С радостью подтвердила Валентина Николаевна. – Ты будешь отцом.

Я отец... отец... – не понимаю, это невозможно... – совершенно растерялся Алексей. Я согласен быть отцом и как можно скорее...

– Время летит быстро и скоро, ты будешь отцом. Все будет отлично! Даже лучше, чем в нашей хижине во время медового месяца. Помнишь?..

– Как же мне не помнить? Это было самое счастливое время в моей жизни.

И вот он настал, этот день. Не успели оглянуться, как пришла пора родов. 28 мая 1957 года, у Веры с Алексеем в 22 года, родились, две девочки близняшки. Они были, очень слабы: вес Татьяны был – один килограмм пятьсот граммов, а Наталии, один килограмм триста граммов.

– Я буду молиться за них день и ночь, день и ночь... Спаси и сохрани их. Будь милосерд- ным, Господи! – молилась за них бабушка, Валя.

Через месяц их выписали из роддома. Это был счастливый вечер, когда их семья дружно собралась за ужином, все радовались и старались сказать друг другу приятное. Она очень любила сестер, ничуть не меньше прежнего, но страстно желала лишь одного: чтобы и они были счастливыми, так же, как она.

Прошло три года. Надежда же ни о чем уже не могла думать, кроме как о своем будущем ребенке. Целыми днями она строила в уме грандиозные планы, думала, как она устроит жизнь своему будущему ребенку. Всеми этими мыслями Надежда делилась с сестрой Верой.

– Но когда ты откроешь всем, что ты ждешь ребенка? – спросила ее Вера. – В нашем доме найдется место и для него. Увидев, что она еще не готова, Вера замолчала. Кто отец ребенка? Иван?

– Да! Иван! – ответила Надя.

– И что он думает? Ты с ним говорила?

– Да! Говорила! Он молчит!

– Понятно! Но вырастим и сами... – поддержала она ее.

02 июля 1967 года, у Надежды родилась дочь – Валентина, в честь, своей мамы. Через два года, Надежда, уехала, в город Красноводск. Через год, Любу, в ее семнадцать лет, выдали замуж за Петра в Носовку. Жить, она ушла, к нему в дом, это было не далеко, семь километров от Красноталовки.

Прошло шесть лет...

Наталия с Таней вбежали в гостиную и Веру засыпали вопросами:

– Мама, мы родились здесь?

– Да, доченьки. В этом доме.

– Жалко, что ты не родила нам братишку. С ним было бы веселей.

– Скоро у вас будет братик или сестренка! – успокоила своих дочек Вера.

– Ура, ура, ура... – Мамочка, а тебе с нами было трудно?

– Да! Вы очень часто болели, и мне приходилось лежать с вами в больнице не одной, а еще и тетю Любу с собой брать в помощь, мне.

– Я помню, со мной всегда играл только папа, а ты была занята своими делами с пухом, да?

– Да! Послушай, а где сейчас Таня? – неожиданно спросила она.

– Не знаю. Наверное, ушла гулять на улицу... – куда – ни будь!

– Мой папа чудный. И я люблю его, и тебя очень сильно, сильно. – Сказала Наташа. – Мама, расскажи, что было до того, как мы родились?

– Ах нет, как-нибудь в другой раз. И дня не хватит, чтобы рассказать обо всем. У меня много дел, Наташенька. – И Наташа вышла из дома.

01 июня 1964 года, родился сын, которого Алексей, так, сильно желал. Наступил вечер. Все домашние с нетерпением ждали гостей в количестве сто человек, которые пришли разделить безграничную радость Алексея с рождением его любимого сына Николая. – Рождение сына, Алексей решил отпраздновать всем селом и пригласил, всех родственников с разных городов и сел. Обустроил весь двор, в виде большой террасы: повесил большие фонари – «большой деревянный навес». Весело пели и плясали, громко смеялись до самого утра. Сколько было всяких вкусностей, да и конечно домашнее вино, а пиво привозили в бочках, да ни одну! Так было весело и потом долго, долго разговаривали. Обменивались новостями, делились впечатлениями, радовались встрече, какое приятное зрелище было и столько осталось впечатлений.

Валентина восхищалась своим зятем, она говорила – какой, он трудолюбивый, ответственный и прекрасный муж, отец и зять. – Лешенька... – протягивала руки к нему и всегда, легкими движениями гладила с нежностью и материнской любовью, его по спине: – Ты у нас золото... Она была удовлетворена своей жизнью, уверена в своем будущем и с глубоким, непоколебимым спокойствием, свойственным только сильным, сознающим свою силу и правоту близких.

Алексей уходил каждое утро на работу, а Вера и Валентина Николаевна готовили обед, штопали, чинили и стирали, и деньги на ветер не бросали. Алексей всегда был опрятно одет, в доме все сверкало, в семье все были довольны.

– Но подлинное счастье и смысл жизни Валентина обрела с рождением внучек и внука.

Наташа, не находя себе места, подбегала то к одному, то к другому, обнимая и целуя всех, пока она не посадила ее на колени.

– Ну, что скажешь? Что сегодня делала?

– Бабушка Валя, покажи мне лисичку и волка.

– А, вон тебе чего? Ну хорошо, давай вместе посмотрим, зови и Танечку, а на руках у нее был маленький Коля, – как волк рыбу ловил, – она отыскала книжку с картинками и стала ее перелистывать.

А внуки тем временем кушали перед сном зернышки семечек, заранее приготовленные и очищенные от скорлупы их бабушкой Валею. Усаживались рядышком и внимательно готовились слушать сказку.

– У волка хвост примерз к проруби! – радостно крикнула Наташа и оглянулась на Таню: – Вы мои умницы – вспомнили, о чем мы вместе читали? – Бабушка погладила их по головкам и сделала серьезное лицо.

– Примерз. Так примерз, что нельзя было оторвать. Так ему и надо, серому. Ну, а потом такую трепку ему задали, что шерсть во все стороны летела.

– Как пух из подушки, когда мама бьет! – радовались внуки.

– Как пух из подушки. Только подушке не больно, когда ее взбивают, а у волка все кости болели.

– Ты и маме с папой, не позволишь нас бить, да? – спросила Таня.

– Не позволю, – ответила она тихо. – Никому не позволю.

– Бабушка их уговаривала спать, девочки упрямылись, им хотелось еще с ней поиграть. Она им тихонько шептала, братика разбудим – и мама с папой нам всем дадут трепки, как волку... Наташа интересовалась окружающей природой, в ней все вызывало ее любознательность; ей нравилось это увлечение.

– С пяти лет ведь пасла коров, – думала она – природа открывалась ей не через книжки, потому что она и чувствует себя с ней уверенно.

– Да, Наташа и Танечка, пошлем вас в сельскохозяйственный институт. Будите учиться у настоящих ученых, и может быть, вырастет из вас новый бухгалтер или экономист.

Они шли со школы, которая находилась в центре, за три километра и долго прогуливались вдоль берега, наблюдая, как быстрая, мутная еще после весеннего половодья речка несла вниз бревна и дрова. У берега время от времени образовывались заторы: стоило одному бревну, что побольше, повернуться поперек течения и зацепиться за берег, и через несколько минут повыше него собирался целый плот. Требовалось появления нового берега, который могучими ударами разворачивал это нагромождение бревен, и плот распадался, бревна по одному подхватывались течением и будто стараясь догнать друг друга, быстро исчезали за изгибом берега.

Валентина поднялась рано утром пасти коров, уходя, стала у двери в комнату, точнее сказать, ей было жалко внуку, но как она справится, без ее помощи.

– Наташенька, вставай милая! – пора. – Уже скоро выгонят коров на пастбище.

– Бабушка, я уже иду!

Мирно паслись коровы. Валентина Николаевна наблюдала за своей внучкой: она лежала на земле и, глядя в небо, о чем-то мечтала, и заодно поглядывая на стадо коров. Во второй половине дня с ней пошла на пастбище Вера. Вечером, когда село солнце, коров гнали домой мимо поля с кукурузой. Увидев кукурузу, все стадо направилось в ту сторону.

– Наташенька, заворачивай скорее! Скорее! Скорее! Милая моя! – разволнованная Вера умоляла свою дочь.

– Не могу, я... я... я... их не удержу всех, мама! Что делать?.. – Но, она запыхавшись, бегала за ними, вся в слезах и выгоняла одну за одной.

– Молодец! Моя умница! Помощница ты наша! – следом еле, еле шла в слезах, Вера. Она набежавшись, не чувствовала ни ног, ни сил не было.

Выгнав всех коров, они направили их в село. Рассказав всем сельчанам о случившемся... До утра ни Вера, ни Наташа, не могли уснуть. Они беспокоились за животных. Как они? Все ли будут живы...?

Рано утром они обе пошли выгонять коров. И очень, очень волновались за их жизнь... К их счастью, все коровы были живы.

– Все обошлось, мамуля, да?

– Да! Не волнуйся, теперь уже, все будет хорошо. Моя ты желанная... Даже животных ей жалко... – думала Вера, про свою Наташу.

Вера, на время отпуска «телятницы» управляла, группу маленьких телят. Наташа и в этом, ей помогала. Она, их поила, кормила, и в базу, где находились телята, следила за чистотой.

– Вот и прошел месяц, Да? – говорила она ей. – Больше мы сюда не придем. Теперь, к ним выйдет их хозяйка. – Она шла и плакала...

– Я очень к ним привязалась, мама! Я их полюбила, они такие хорошие, да?! Мне, их будет не хватать...

– Почему ты плачешь, мамочка?

– Да, так! Не знаю! – вот плачу и все... – Ты ведь совсем еще ребенок, доченька... Вот иду и думаю, какие вы, разные! А мне, жалко вас, обоих, одинаково.

– Как это, разные? Почему? Потому что, Таня не хочет иногда помогать, да? Да вот так, бывают, все, разными характерами, люди...

– Да и в этом, тоже... – Она до самого дома шла и молча плакала.

– Не плачь, мамочка! Я так тебя люблю! Я во всем, всегда, тебе буду помогать, ты мне веришь? Я всегда, всегда и во всем, буду рядом с тобой.

– Верю, моя ты помощница!.. – Завтра в школу, – сказала Вера.

– Мама, я очень хочу учиться, но боюсь?

– Чего ты боишься?

– Не знаю, просто боюсь и все!

– В школе дают знания, доченька. Вот я не смогла учиться, потому что мне, нужно было помогать бабушке по хозяйству, так как я была ее помощницей. Вот, как теперь помогаешь, ты мне. Но у нас есть папа и вы должны получить образование.

– Я постараюсь вас не подвести, мама!

На линейке в школе они были одинаково одеты, одинаково причесаны, и одинаковые портфели тоже и все остальное... Валентина Николаевна любовалась своими внучатами, потому, что она их сильно любила. Больше времени с ними приходилось проводить ей, Вера с Алексеем много работали.

– Бабушка, вам понравилась линейка?

– Конечно! Какие все детки красивые! Одинаковая форма, белые фартуки... Просто глаз не оторвать, вот гляжу на вас и радуюсь!

– А как в классе, бабушка?! Какие красивые парты... Нам все очень понравилось. Все, все, все...

– А мне понравились вы, мои любимые, потому, что вы были красивее всех!

– Это вы так говорите, потому что мы твои внучата, да?

– Нет, нет, нет – вы на самом деле очень красивые!

– Кто-то юный, сильный, кого не повергнут в уныние насмешки и дикие выходки других людей, может вступить с ним в борьбу и выиграть.

– Вот и вам, я хочу пожелать, чтобы вы, не давали себя ни кому в обиду, договорились?

– Да! Мы постараемся, бабуля! – хором отвечали они, ей.

Таня и Наташа, учились отлично. Алексей проверял уроки ежедневно и помогал им, иногда... Вера, мучилась от сильной головной боли и помочь им с уроками не могла.

Алексей, переступив порог в дом, с сомнением покачал головой.

– Ладно, пусть будет по-вашему. Он смотрел в глаза девочкам.

– Но при чем тут дети? – с недоумением спросила Вера.

– Они должны мне, кое в чем признаться... – Как вы могли? Почему вы меня... – и сам потихоньку вытаскивает из брюк ремень, не отрывая глаз, продолжает смотреть на дочек.

Валентина и Вера ни чего не могут понять, что же произошло? Что с ним? Кричит, я вас сейчас накажу! Они не могут понять его...

– Остановись! Послушай! Объясни наконец, что произошло? – не понимает Вера.

– Да. Слишком долго все потакали капризам наших детей и вот, результат! – не сдается он.

– Какой результат? – кричит на него Вера.

– Смотрю, на доске почета отличников: отличники – Литвишко Таня и Литвишко Наташа... – пауза... Еще минуту назад перекошенное от «злости» лицо Алексея разительно переменялось. Перед детьми было само воплощение приветливости и благодарности, губы излучали улыбку, а от дурного настроения и следа не осталось. Не желая считаться ни с чем, он тут же со свойственной ему непосредственностью объявил детям:

– Вы молодцы! Молодцы! Молодцы! У меня в руках... – Подошел к ним, обнял их и поцеловал. – Я не сомневался в ваших способностях. Спасибо!

– Вот принес грамоту, за вашу «отличную учебу и отличное поведение». Это тебе! – Он дает в руки Танюшке.

– Спасибо! – от неизвестности, у нее, не было слов. Да, она его всегда боялась, потому что он, ее больше наказывал.

– А это тебе, Наташа! – держи.

– Наташа всегда себя чувствовала перед отцом увереннее, она кинулась ему на шею, обняла его и крепко поцеловала.

– Ты чудесно выглядишь, Вера. Ужин уже готов? Я сегодня что-то проголодался.

– Да! Готов! Тебя ждали... И от радости за своих детей, она его потрепала за нос.

– Оторвешь, ведь! Как, я, без носа буду жить?

– Поздравляю! Какие мы счастливые... иметь таких детей, – сказала Вера. По правде говоря, ты это заслужил во сто раз больше, чем я.

– Да, конечно, это очень большое счастье, это наша гордость! Я горжусь ими! Может быть, в будущем они станут учеными, кто знает.

– Теперь занимайтесь всерьез, а не в шутку, – сказал Алексей. – Держитесь детки в такой форме. Мне хочется, чтобы вы стали, бухгалтером и экономистом. Кто, какую из вас, специальность выберет, неважно... Я горжусь, тем, что вы у нас идете, в числе первых.

Был весенний теплый день. Вера начала заниматься побелкой в доме. Дети помогали ей выносить вещи на улицу. Перины, подушки, одеяла и все вещи, которые требовали обработки... Это был очень трудоемкий труд. Им в этом помогала их бабушка.

На сложенные перины с подушками взобрался их младший брат Коля, которому было полтора года.

– Бабушка смотри, как, он резвится? Ему это занятие нравится, – и она его бросила в перины с подушками.

– Еще! Еще! Еще!.. – Смотри, как он заразительно хохочет?

– Не надо, так нельзя! – останавливает она внучку.

Но она слишком увлеклась этим занятием с братиком и ей самой, оно понравилось. Вдруг он резко заплакал... Она испугалась!

– Что с ним? Что с ним? – кричит Наташа бабушке.

Валентина Николаевна взяла его на руки и дает в ручки игрушку. Она поняла уже, что случилось! Он одной ручкой берет ее, а другой нет, сразу сильно плачет.

– Зови быстро папу и маму, – сказала она.

Она объяснила, им, что с ним и сказала, вот адрес одной известной целительницы.

– Целительницы! – с недоумением переспросила Вера.

– Да, да, да, она лечит народными средствами и заговорами, снимает порчу, избавляет от венца безбрачия... ну, и все такое прочее. Да, еще возвращает мужей со стопроцентной гарантией. Но нам это не нужно... езжайте скорее, она поможет.

– Леша, заводи мотоцикл! – сказала ему Вера.

– Поехали! – на ходу, ответил он. Алексей быстро завел мотоцикл, и Вера с сыном сели в люльку.

– Бабушка, а куда, они поехали? – очень волновалась Наташа.

– Не волнуйся, внученька! Сейчас его посмотрит одна бабушка «целительница», которая поможет ему. Она хорошая, всех лечит и всем помогает. Успокаивала она своих перепуганных внучек.

– Почему их так долго нет? Она далеко живет? С тревогой на сердце, спрашивали они обе.

– Ну, вы же видели, как, сильно плакал ваш братик?

– Да, – не отрицали Наташа и Таня. – Ну, мы не хотели, что бы с ним, что-то случилось, – оправдывались внучки, ластясь к бабушке. Они боялись, что их накажут. Они искали защиты у бабушки.

- Вы забываете, дорогие мои, что от меня не зависит, каким будет ваше наказание...
- Просим вас, бабуличка, дорогая наша, – они испуганно смотрели на нее и умоляли о защите.
- Вот и они едут, услышав гул мотоцикла, – сказала Валентина Николаевна. Она направилась быстрым шагом за двор, они побежали следом за ней.
- Вера, что с ним? – спросила она.
- Спасибо тебе, родная... Вывих ручки... Целительница, ее поправила, уже, все хорошо, и Вера, несла в дом, спящего сына.
- Она, точно, все сделала хорошо? – Не успокаивалась бабушка.
- Точно, точно, точно, она ему давала игрушки и он, уже, свободно владел этой ручкой и не плакал.
- Спасибо тебе господи! – благодарила бога Вера.
- Алексей провел беседу в отношении игры с братом, но наказывать не стал. Он видел испуганные лица, его дочек. Они и сами, себя уже наказали, в ожидании... – думал он.
- Прошу вас, Наташа и Таня, впредь, – быть осторожнее. Ведь, в такие игры, с маленьким братиком, играть нельзя. Вы можете бросать так, только куклы!.. Понятно!
- Да! Да! Папочка, мы больше так, играть с Колей не будем. Мы будем осторожно теперь, с ним обращаться, прости! Обе плакали, вымаливая прощения.
- Алексей вернулся в гостиную, где Вера с Валентиной Николаевной вели разговор. Обе были очень взволнованы от происходящего.
- О чем это вы беседуете? – спросил Алексей.
- Прости, Леша, но мы слишком увлеченно были заняты ремонтом в доме, что не досмотрели за детьми. И этим обеспокоены.
- Да, Вера, – подхватил Алексей, – но их поступок мы можем понять. Ведь они еще, все дети...
- Ведь неизвестно, до чего они могли бы доиграться с ним? – Вера укоризненно покачала головой.
- Хватит об этом! – строго произнес Алексей, подняв руку, – я не собираюсь оправдывать их поступок и запрещать всяким... играм. Будут теперь осторожнее. Они у нас все прекрасно понимают. Это нелепая случайность и не больше... Закончим на этом нашу дискуссию. У нас послушные и трудолюбивые дочери.
- Прошу вас, мама, старайтесь быть где-нибудь поблизости с ними, когда они играют. Не оставляйте пожалуйста, их одних.
- Хорошо! Я буду постоянно контролировать их игры. Не беспокойтесь! Занимайтесь делами.
- Они поговорили еще немного, и Вера пошла в дом.
- Оставшись с бабушкой, детишки сказали сквозь слезы:
- Мы обещаем быть с ним очень осторожными.
- Надо не плакать, а быть повнимательнее и осторожнее, он же еще маленький, – настаивательно произнесла бабушка.
- С тех пор, как это случилось, в доме стало все спокойно. Они с него не спускали глаз и были хорошими няньками. Вдобавок ко всему Алексей без конца твердил, этот случай, пошел сестрам на пользу.
- Добрый день, Вера! – поприветствовала их Люба.
- Добрый день, Люба! – ответила ей Вера.
- Как у вас дела? Что случилось? Слышала, что у вас, что-то с Колей было.
- Как всегда! По неосторожности детей! За ними еще за всеми, нужен присмотр. А мы, немного были заняты побелкой дома, сама понимаешь, что это такое... – Вера объясняла причину их беды.

– Сочувствую вам, Вера. Но наберитесь терпения! Господь часто посылает испытания своим чадам.

– Как у вас с Петей дела? Как дети? – спросила ее Вера.

– Все хорошо у детей, учатся! Не болеют! – Уклончиво говорила Люба. Она ни хотела беспокоить близких, своими семейными проблемами. Считала, что они сами должны решать в своей семье.

– Как ты справляешься одна? – беспокоилась Вера.

– Стараемся... – счастливо засмеялась Люба.

– А вот, доченька, давно хотела тебя спросить... – туманно, издали начала она. – Как ты там по хозяйству-то справляешься? Поди, тяжело... Я, так думаю, тебе помощь пригодилась бы?

Валентина Николаевна мечтала жить с обожаемой дочерью Верой.

Люба неопределенно пожала плечами.

– Мама, да не нуждаемся мы ни в какой помощи! – воскликнула Люба. – Вы тут нужнее! Иль, Вера, скажи же ей!

Люба сосредоточенно чистила апельсин.

– Любонька, попробуй вот мяса отварного, с горчицей... – сунулась к ней Валентина Николаевна.

– Спасибо! – Чуть позже, хорошо?..

Они болтали и смеялись – почти как в стародавние времена, когда она здесь росла еще ребенком, но в этот момент раздался стук в дверь.

В прихожей уже стояли дочери Любы. Валентина Николаевна бросила все свои дела на кухне и бросилась встречать внучат.

Внучки зашли в сопровождении Тани и Наташи, они встретились в школе и все вместе пришли домой.

– Викушенька, Никуля... – бабушка Валя, судорожно поправляя на голове новый атласный платок, который то и дело сползал у нее с затылка на шею. – Внученьки мои родненькие!

Бабушка Валя, как уже было сказано, обожала всех своих внуков.

– Бабуличка... – растрогались те и прижали бабушку к себе.

– А вот и племяннички мои... – Тетя Вера по очереди обняла Вику и Нику. Потом дошла очередь до дочерей и затем – до маленького Коли.

Далее все пошло по привычному сценарию – ломящийся от всевозможных яств стол, и булочек с пирожками к чаю.

– Внученьки худющие, бледные, не едят совсем ничего... – скорбно вздохнула Валентина Николаевна, глядя на внучат.

– Вика с Никой и в самом деле были равнодушны к селедке под шубой, оливье и лоснящейся от жира свиной нарезке. Холодец же они просто ненавидели. Если что и интересовало их за столом, так это сладкие кренделя бабушки.

– Неправда! – возмутилась Ника. – Я вот чего ем...

Она сунула под нос тете Вере наполовину обгрызенный крендель, а потом повернулась к бабушки Вали и произнесла с благодарностью:

– Баб Валь, очень вкусно! Спасибо тебе!

– Ешь, милая, ешь... – та рассеянно погладила внучку по волосам шершавой старческой ладошкой.

Настроение у Веры было скверное, она мечтала только об одном, как можно избавиться от головной боли.

– Вчера голова сильно болела, да и сегодня немного болит, – в перерыве между закусками и горячим сообщила Вера Любе.

– А у меня сердце ныло – аж вздохнуть было трудно... – подхватила та.

– Магнитная буря опять бушевала, – с видом знатока вступила в разговор Валентина Николаевна. – Внушеньки, а у вас никаких проблем со здоровьем нет?

Внучата пожали плечами.

– Нет у них никаких проблем! – радостно захохотала Люба. – Их в космос отправлять можно. Чего им болеть – у них мама есть! Они при мне ни в каких лекарствах не нуждаются.

– Вот именно! – сразу оживилась Вера.

Поздним вечером, когда они вернулись в комнату, дети уже дремали, положив головы на стол. Все их обещания не спать были преданы забвению.

– Вика, Ника, едемте...

– Мама, еще чуть-чуть!

– Нет, нам уже пора домой! – Люба была непреклонна.

– Люба, ты что делаешь? – оживленно спросила Вера. – Приходи за ними послезавтра к нам... – Пусть погостят выходные у нас, договорились?

Люба долго не раздумывала.

– Ладно, приеду за ними в воскресенье.

Люба поцеловала их в щеки и ушла. Дети остались ночевать у бабушки и тети Веры.

Вера поправила одеяло у сына.

– Мама, мама... – невнятно забормотал он сквозь сон. – Пожалуйста, не буди меня... Мне снится такой чудесный сон! Там петух... и вот этот петух... – Он не договорил, что в его сне приключилось с петухом, и зевнул, снова погрузившись в сон.

Вере и Валентине Николаевне было немного грустно – как всегда на следующий день после встречи с Любой.

Дети проспали до десяти часов. Женщин уже в восемь разбудил Коленька. Позавтракав, они с ним все вышли во двор. Потом отправились кто куда, все по своим делам. Вера и Валентина Николаевна ушли заниматься огородом, Алексей с Колей в гараж. Коля гулял, гулял во дворе и решил замкнуть сестренку в доме. Когда они проснулись и решили выйти на улицу, дверь была заперта с улицы на замок.

– Откройте, пожалуйста, нас! – Наташа стала стучать в окно и просить о помощи.

– Девчата, а я вас запер... запер... запер...

– Открой, пожалуйста, – просили, они его. А ему, так это занятие понравилось:

– Я, вас, замкнул... замкнул... замкнул... – бегаёт и резвится, но не открывает.

Они уже на грани:

– Открой, мы расскажем папе и маме, они тебя накажут...

– Нет... Нет... Нет... – не сдавал свои позиции, их, братик... И держал их, в доме, закрытыми – до, тех пор, пока, не потерял его, Алексей.

– Ты что, делаешь? Почему дверь заперта? Это ты, запер? – спрашивал он, сына.

– Да!

– Зачем, ты это, сделал?

– Хотел с девчатами пошутить! – он говорил так, как будто, не чувствовал за собой ни какой вины.

– Так нельзя! – говорил ему Алексей. Вот теперь, пойдешь, открой. Ты должен, как настоящий мужчина, попросить у своих сестер прощения, ты понял? Ведь ты поступил, нехорошо сынок!

– Прости! Прости! Прости! – он умолял своего отца. – Я больше так играть не буду. Я понял, что это плохо... – Он рос очень послушным ребенком. И слово отца, для него служило законом. Он хотел быть похожим во всем, на своего отца.

– Простите меня, я больше так, поступать не буду! – им, было, даже забавно, смотреть, как, раскаивается их маленький братик в своих деяниях...

– Ну, что, посидели?.. – подшучивал над девочками Алексей. Но он, больше так поступать с вами не будет.

– Простите, его? – спрашивал он.

– Да! – они все рассмеялись...

– Ну, и чудненько! Значит, мир? – Алексей радовался тому, что в этом доме живет дружная семья. За разговором он не заметил, как вошли Валентина Николаевна и Вера. Алексей объяснил, что здесь произошло и предложил, мировую отпраздновать честь честью.

– Ну, как же, ты с ними? Не обижай, сестричек, не надо! – Ты что, сыночек, трешь глазки?

– Бай-бай...

– Хорошо, сынок, сейчас мы тебя уложим.

Тем временем Алексей беседовал с тещей о жизни. Предлагал ей, что, пора им, подумать о новой кухне, на месте, землянки. Она с ним согласилась. Все остальные постройки хозяйственного двора, уже были построены и пчельник, для пчел.

Осенью, начали организовывать лесозаготовки. Алексей сразу сообразил, что выполнять норму придется, им втроем: он знал, что придется морозить в лесу, свои кости, потому что контроль за всем этим, возлагалась на него. Ну что же, зато у тебя красивая жена, зато тебя кормят и поят, а если придет охота выпить – найдется для тебя и водка.

– Поживей беги, лошадка,

– Нас с тобою дома ждут,

– затянул было Ожогин Николай Иванович с Михайленок Василием. И замолчали. Только снег визжал под полозьями, да каркали вороны. Полный красный месяц вышел из-за леса и уставился на Свет...

Во дворе его встретила Вера. Первым делом спросила:

– Сколько раз за день обернулись?

– Как всегда – три – отрывисто ответил муж. – Пять плотных кубометров. Если так каждый день, через неделю норма будет вывезена. Дорога еще до конца февраля продержится.

– Баню истопили? – спросил Алексей.

– Когда еще. Давно все попарились. Воды тебе оставили.

Вера с матерью и детьми, порозовевшие и разомлевшие после бани, повязав мокрые головы платочками, сустились в кухне, а дети уже спали.

– Ты ужинать с нами будешь или сначала в баню сходишь? – спросила Вера.

– Сначала попариться надо, а то спина зудит. Как вы меня не подождете... – попробовал он пошутить.

– Тогда пойду, соберу белье.

Вера вялыми мягкими шагами вышла из кухни. Алексей зачерпнул ковшом воду и стал жадно пить.

– Пойду, по воду, парочку ведер принесу, – сказала Вера. – За ночь немного согреется, скорее вскипит.

– Вера взяла порожние ведра и вышла во двор. Полный яркий месяц высоко поднялся над вершинами деревьев и стал из красного желтым. Вокруг колодца выросла толстая неровная ледяная корка. Обледеневший сруб еле возвышался над землей.

– Всю неделю не скальвали, тебя ждем. Пока не свалится кто-нибудь, холодной воды наглотается, – она поскользнулась, наливая ведра, и еще больше обозлилась. – Командиры... – Распорядитель на распорядителе... – Была бы сила и сами все сделали...

Что бы он тогда сделал, Вера не придумала. Ставя в доме на скамейку полные ведра, плеснула немного на пол. Валентина Николаевна посмотрела в ее сторону, хотела что-то сказать, но вовремя сдержалась: недовольное лицо Веры не обещало ничего хорошего.

Алексей взял белье, бритву и пошел в баню. Долго парился, лежа на полке, и до тех пор поддавал пару, что камни перестали шипеть. Неторопливо соскреб отросшую за неделю

щетину, провел рукой по подбородку и еще раз прошелся бритвой, пока он не стал гладким, как точильный брусок. Потом опять влез на полку и долго наслаждался ощущением полного отдыха.

Вера вошла в предбанник и, приоткрыв дверь, заглянула к нему, чтобы спросить, как долго он еще будет мыться. Он ее научился понимать и считывать всю информацию по губам.

– Алексей, ты еще моешься? – он прочел по губам своей жены.

– А что же еще тут делать? – ответил он. – Неужели я не имею права попариться с мороза?

– Ну что ты говоришь, – ответила стоя в проеме двери, Вера. – Мы думали, с тобой что стряслось..., продемонстрировала жестами жена.

Он засмеялся, Вытянулся во весь рост, с удовольствием вдыхая теплый, пахнущий прелым березовым листом воздух.

Поужинав с семьей, Алексей как всегда, уходил в спальню почитать газету или книгу.

Вера потрогала Алексея лицо, подергала за уши, потом ухватила кончик носа и зажала ноздри. Когда он заговорил, Наташа рассмеялась до слез – такой у него был смешной голос.

– Почему у тебя такой большой нос, папа?

– Потому что я сам большой. У больших, у всех большие носы.

– А когда я вырасту большая, у меня тоже будет большой нос?

– Не такой большой, как у меня.

– А какой же?

– Ну, такой, как у мамы.

– И я буду большая, как мама?

– И из братика твоего, я из него хозяина хочу воспитать. Не простая это штука хозяином стать. Жизнь на одном месте стоять не хочет.

С раннего утра Алексей уже трудился на крыше. Когда крыша кухни была почти покрыта, во двор вышла Вера посмотреть, как двигается работа, и сам придержал лестницу жене.

– Осторожнее, осторожнее, Вера – предупредил он, – тут одна переключинка еще не укреплена. Сама видишь, оглянуться не успеешь – кухня будет построена. – Заделано прочно, – скромно сказал он. – Теперь никакой дождь не страшен.

– Теща тоже благосклонно смотрела на зятя. Вера, заметив это, улыбнулась и задорно подмигнула ему.

– Великие дела творятся на свете. Люди с каждым днем становятся умнее и устраивают свою жизнь по-новому.

– Алексей, не мог нарадоваться своему сыну.

– Оба мы не нарадуемся. Вот погоди, когда он подрастет немного и начнет помогать тебе, какие дела вы будете делать.

Алексей не стремился убежать от трудностей – нет, скорее всего, это было обостренное чувство ответственности, сознание, что от твоего успеха зависит в какой-то мере успех твоего сына.

– Выше голову! – сказала, Вера.

– Выше голову! – сказал себе и Алексей. Он внутренне весь подобрался, как бы подставляя плечи под великую, почетную и трудную ношу, нести которую поручила его семья. Один этап будет пройден, начнется новый, еще более трудный и сложный, а когда будет завершен и он, никто не скажет ему: вот и все, теперь ты можешь остановиться, дальше пути нет... Никогда не будет конца пути развития и успехов советского человека. Не существует оград, загромождающих ему горизонт. Он шагает под солнцем, как исследователь, строитель и хороший семьянин. Горы и моря расступаются, дают ему дорогу.

Алексей жадно вдыхал свежий ночной воздух, постепенно рассеивалась усталость. Новая жизнь радовала тому, что она есть, что она существует.

Уже месяц работа кипела как в котле. Стройка шла полным ходом. Алексей распиливал доски с Николаем на пилораме, и разлетевшийся железный диск попал Алексею в голову. Без сознания, местный фельдшер, оказавшая первую помощь Алексею, на скорой привезли его домой. Алексей пролежал около месяца с рассеченным лбом в постели, ему оказывали все необходимое лечение в течение месяца.

– Только так, не иначе. Добровольный его отказ, это правда...

– Правильно, Алексей! – поддержали его Николай и Василий. – О работе не тревожься, найдется и тебе! – весело сказали они. – А сейчас лежи и выздоравливай!

– Подумайте, как следует, какие у вас самые неотложные нужды. Нужды можно придумать самые различные, только, я полагаю, нам надо с самого начала привыкнуть стоять на своих ногах, а не ждать, что все будет с неба валиться, – ответил Алексей. – Вот если помогут стройматериалами, нам этого на первых порах вполне достаточно.

– Вот об этом и скажите. Думаю, что дадут. На сердце у Алексея было много новых забот и новых радостей. «Вот теперь ты можешь быть счастливым и гордым, – думал он, – исполнилась самая заветная дума, и ты сам помогал, чтобы она исполнилась. Пришли они, новые времена, теперь учись жить по-новому...» Он одиноко лежал и размышлял. Он подготовил отчет о проделанной работе. Начислял всем заработную плату. Он вел весь учет в плотницком цехе. И эта работа приносила ему удовольствие. Алексей ждал приятных новостей: пока он был болен, Николай и Василий приезжали к нему в гости. Они его посвящали обо всех делах, как там все происходило в цехе.

– Под вечер, когда стали загонять скотину, из-за сада вышла теща и стала звать:

– Наташа, Таня! Идите домой, внучки!

– Голос далеко-далеко звучал в неподвижном вечернем воздухе. Эхо прокатилось по реке и замерло в лесу. Алексей и Вера пошли провожать Дмитрия, родного брата Алексея. Стоя на пригорке, Алексей долго смотрел, пока он не скрылся...

Он приехал сюда из Полтавы, где их с Алексеем родина, работает в колхозе кузнецом. – Понимаешь, я думал о том, что, ему нужно помочь построить дом. Нам нужно немного подождать.

– Не надо нам ждать. Ты сама слышала – он собирается сюда привезти жену.

– Ты думаешь, лучше сейчас заняться строительством его дома. Ладно, что поделаешь, ты же брат!

– Да! Я и Николай с Василием! Они тоже помогут.

Алексей не ел с утра, но, придя домой, забыл и про голод.

– По всем линиям сегодня праздник: – шутил Алексей. – Жалко, нет поблизости фотографа, а то бы снял историческую картину: Алексей и его потомство в день посещения больного на дому... Ну, после моего выздоровления, в первый же день, мы это устроим. Ты, зятек, совсем извелся, ишь какой бледный, худой, – сказала Валентина Николаевна. – Так ты не выздороеешь. Надо почаще на солнышке бывать, мы тебе поможем, как в прежние времена, тогда опять станешь на человека похож. И что это вы, правы: надоело семечки щелкать – то, лежа, надо немного кости поразмять...

Он с тещей детям семечки лузгали, к вечеру их побаловать зернышками...

– И дел хватает и работы, а я вот тут, валяюсь, думал он. Но только если человек и болеет, как можно долго-то валяться, – нельзя от него требовать румянца, так и совсем можно захандрить.

– Да, все мы так... – Алексей засмеялся, потом вздохнул. – У меня вот голова перебинтована, как с передовой... в военные годы. Оказывается, с одним тем умом, который нажил, далеко не уедешь и от несчастного случая не уйдешь.

Пока еще не стемнело, Алексей хотел посмотреть, что еще нужно ему для отделочных работ для кухни. Он обошел двор, заглянул во все строения и на все хозяйство. Алексей внут-

ренне кипел от избытка ярости, что он потерял энергию и силы, а для восстановления, неизвестно, сколько еще пройдет времени... И то время как сын его, впервые пас стадо, растет он очень спокойным мальчиком, отец на крыльях воображения летел навстречу будущему.

– Эту кухню и ее внутреннюю отделку будущей весной мы сровняем и сведем все к нулю. Кухня-то какая, получится! И семье будет, где развернуться. Если Вера и теща возражать не станут, пристрою еще и террасу к дому, будет у нас летний курорт. В кухню и все постройки проведем электричество, доить будет при свете. Дрова пилить – все с помощью техники... Заведем свой лесопильный стан, мельницу построим, чтобы и на сита молола и с крупорушкой. Все дети будут учиться в средней школе, в техникум, а кто по способнее, того стану посылать в институт. В колхоз разных специалистов потребуется, с полузайками связываться не будем. Вот и скажи мне, Вера, чем тогда городская жизнь будет лучше нашей? Чем, скажи, горожане будут выше сельчан? И там и тут больше головой работать придется, чем руками.

– К тому идем, – ответил Алексей. В этот вечер муж казался ей больше похожим на юношу, чем на взрослого мужчину. И чем скорее мы исполним то, что задумали, тем скорее достигнем своей цели в семье.

– Мы ждать себя не заставим, только поспевай за нами, – подхватила Вера с тещей. – Чесать, пряхать, вязать и продавать платки, да и внучки вяжут платки и в остальном помощницы хорошие... Как выходной день – молодые за милую душу могут слетать на рынок. В виде экскурсии, так сказать.

Дети внимательно слушали отца, и глаза у них блестели все сильнее и сильнее. К пятнадцати годам они так вытянулись, что только на пол головы были ниже отца и матери. Они уже и комсомол вступили. И работой на полях: высаживали разные саженцы весной и осенью занимались уборкой урожая с семи лет. На летних каникулах с седьмого класса они, ходили на ферму доить коров. Жалко, что на следующую осень, надо ехать в сельскохозяйственный институт! Неизвестно, как Вера с тещей справятся без них с сыном, да и еще ребеночка ждем.

В понедельник утром, когда Алексей поехал в районную больницу, Вера не стала дожидаться его возвращения: он поехал просить закрывать больничные; к тому же он не знал точно, когда его выпишут, и решил на всякий случай написать расписку. Поэтому она проводила Алексея до остановки, а там они разошлись.

Объяснение с доктором было недолгое, но бурное.

– Так, – протянула она листок бумаги, точно передразнивая кого – то, – где написала ему: «когда это случилось... , вам хочется уже работать, да? Что же вы с самого начала не вышли...».

– Тогда я был бес сознания, не смог встать, – съязвил он.

– А сейчас считаете, что вы здоровы? Тогда чего дожидался? Чего уж там, скажи лучше, молодой жене не хотелось возиться с тобой, как с ребенком – и все.

– Что вы себе позволяете? – сказал он. – Жена у меня будет ухаживать за мной столько, сколько понадобится, вам ясно!? Я не позволю вам в таком тоне со мной говорить. Это мое решение. Я хочу работать и прошу выписать меня, вот расписка...

– Поезжай-ка ты с богом, – раскричалась вдруг доктор. – Не закрою я вам пока больничный, еще недельки две отдохнете, и тогда посмотрим.

Алексей нахмурился.

– Не подымайте шума, – сухо сказал он. Две недели, не больше! Согласен!

Старая медсестра до сих пор в их разговор не вмешивалась, только хмыкала и время от времени бормотала что-то, что именно, он не слышал, из-за его глухоты на оба уха... Врач писала ему вопросы на бумаге, а он читал и отвечал ей:

– Полная глухота у Алексея с двадцати лет. Воспитывали его отец и мачеха. Мать свою он не помнил, так как она от переохлаждения в погребах, прячась от фашистов, умерла молодой. Поездка в Москву не увенчалась успехом. От группы Алексей отказался сразу, без всяких раздумий, он себя инвалидом не считает... и пользоваться государственными деньгами не захотел.

– Папа, папа ты приехал? – прижимаясь к отцу, спросил сын.

– Да, я приехал сынок. Хочешь поехать со мной?

– Хочу, хочу.

Алексей посмотрел на жену и тещу.

– Слышите?

– Ишь, удивил чем... Он с тобой хоть... – рассмеялись жена и теща.

– Алексей повернулся и сказал. Я еще болен и работать не могу... – шутливо произнес он.

– Что сказала врач? – спросила его Вера.

– Через две недели обещала выписать на работу. Я больше дома лежать в постели не хочу.

Я здоров!

– Кто бы сомневался, в том, что ты проболеешь до полного Выздоровления... Совсем себя не жалеешь! – ворчала теща.

«Когда будет готова вся работа моя до отделки, дам возможность женщинам поработать, решил он. – Пусть помажут, как следует и ровнее и потолще... Но за их работу я ручаюсь – помажут дом отлично...»

Сумерки уже сгустились, когда Вера заперла дверь и вошла в дом. В тишине далеко слышался каждый звук: ночная птица, шумя крыльями, пролетела над полем, в траве возились какие-то мелкие невидимые существа, а, справа от большой ямы, где обычно брали глину, и которая каждую весну превращалась в пруд, доносилось сплошное безмятежное кваканье лягушек.

– Эх, их разбирает, – засмеялась Вера. – Скоро везде запрыгают лягушата, некуда будет ступить. Тоже живая тварь, зря давить не хочется. Говорят, во Франции едят их... Видно, нравится людям, а меня хоть золотом обсыпь, и то я в руки не возьму, не то, что есть.

Она вспомнила один слышанный в детстве рассказ.

Тогда в имении «Краснуха» в селе Жидовка на горе, жил барон и баронесса. Изверги, каких мало, он до девочек охочий, а баронесса над людьми издевалась. Постоянно по заграницам катался, всего там испробовал. В день своего рождения он собирал у себя в имении баронов и графов со всей округи, и начинался пир горой. Ради такого случая выписывал барон из-за границы и вин разных и редких яств – и слизней, которых живьем глотают, и зеленых лягушек... Однажды припелся в такой день и пастор – не то нарочно, не то – нет, но только пришел он незванный. Барон рассердился и решил подшутить над его преподобием. Любезно так приглашает его за стол, а сам что-то лакею шепнул. Тот ну подкладывает пастору на тарелку всякой всячины. И очень понравилось ему одно кушанье, он раза три просил подложить. Барон увидал, что пастор в охотку ест, и говорит своему главному лакею:

– Приготовь увашаем пастор две душин этот кушаний, штоп угостил госпоша.

Лакей приготовил узелок и, когда пастор стал уходить, сунул ему в дверях – «так и так, это вам в подарок от господина барона, что вам больше всего по вкусу пришлось за столом». Пастор поблагодарил, а придя домой, скорее, развязал узелок с баронским подарком. У его преподобия тут же все, что съел он в тот вечер, – все назад пошло, и после этого он целую неделю есть не мог – нутро не принимало. С той поры он до конца жизни не садился за баронский стол.

В воскресенье Валентина Николаевна навестила дочь и сноху своего покойного брата. Жила она в Носовке, в дальнем порядочном хуторе. Младший ее брат Александр после демобилизации был очень болен и слаб, женился на порядочной девушке из дальнего хутора, Ольге и работал в колхозе. Было у них трое детей, он, тяжело болел и умер. Ольга детей воспитывала одна. Валентина очень часто навещала ее с детьми, как и Ольга ее. Они очень были дружны.

– Здравствуй, милая сношенька! – ты, наверно, успела подыскать кого – ни будь в примаки, пока меня не было? – шутила Валентина.

– Конечно, конечно и не одного, а сразу троих! – ответила ей Ольга. И тут же засуетилась приглашать ее к столу.

– Зачем, так много?.. – смеялась Валентина. А мне бы и одного, было достаточно...

– А что в том плохого? Смеяться тут не над чем? – Твой брат тоже был примак, а разве плохо я с ним прожила?.. Только очень мало и рано он, ... и они, заплакали.

Они шутить больше не могли.

– Вот и дошутились! – сказала Валентина, вытирая слезы.

– Мне до сих пор кажется, что жизнь все стоит на одном месте. Ни как не хочу понять, что, когда мы были молодые, одно время было, а теперь – другое. Нельзя брать за образец прошлое, приспособливаться к нему – надо глядеть в будущее. Долго, долго они сидели у нее, общались, интересуясь делами, друг дружки... В их разговоре часто упоминались слова, о своей жизни и жизни их близких, и родных.

– Мы сами выживали, что я могу тебе сказать. Только один совет могу дать: надо глядеть вперед, а не назад. Жизнь обратно не идет, – советовала ей Ольга.

Много радости и душевного покоя, доставила Валентине эта встреча с Ольгой и ее дочерью Любой, и внучатами. Перед уходом Валентина немного задержалась у Ольги. Говорила о Вере, о том, что, скоро родится ребенок.

Скоро нам понадобится нянька для новорожденного малыша, – сказала Валентина. – Приходи! Это занятие будет куда увлекательней, чем с этим скучным домашним хозяйством...

– А, по-твоему, я подойду?

– Подойдешь, конечно. С твоим-то опытом... – подмигнув ей, сказала она.

– А что же будешь делать, ты, скучать? – усмехнулась Ольга.

– Найду, себе другое занятие. – Я вижу, ты хочешь выжить меня из дома.

Ольга поняла шутку и ответила в том же тоне. – Ну, конечно, чтобы самой ни пестать малыша, а с пеленками, распашонками, с ними нет ни какой ответственности: постирал, высушил, погладил... – и уже серьезнее добавила: – Подумай об этом. Уверена, что ты еще, об этом, пожалеешь, а?

Они обнялись и пошли к двери, но вдруг что-то вспомнила, вернулась.

– Все не соберусь сказать... Моя просьба к тебе: В позапрошлом воскресенье, мне показалось, Люба, была, чем-то озабочена!.. В следующий раз расспроси... хорошо? Ну, я так на тебя надеюсь! Валентина даже забыла поблагодарить ее – в такое смятение привела ее, ее просьба.

Когда Валентина вышла, Ольга быстро убрала на столе и пошла к себе в комнату, но тут же почувствовала, что в комнате ей не усидеть, и решила прогуляться к Любе. Хотя был конец августа, дни стояли теплые, солнечные. Первые желтые листья уже горели в зелени тополей и кленов, а воздух приобрел ту ясность, которая придает всем предметам легкость очертаний и так успокоительно действует на человека. Отовсюду неслись сотни звуков: лаяли собаки, чирикали птицы, разговаривали на дворах люди, на селе скрипели телеги, и откуда-то, совсем уже издалека, слышался шум работающей молотилки. Облачко пыли стояло над дорогой, почти у горизонта, – вероятно, ехал автобус. Валентина сейчас уедет, подумала она.

Валентина села в автобус и, подперев голову руками, стала думать. Солнце почти село. От всех предметов далеко протянулись длинные узкие тени. Одинокая птица, внезапно почувствовала, что вечер застиг ее вдали ночлега, летела, широко и стремительно взмахивая крыльями.

«Актриса... Какая ты актриса, если не можешь даже владеть своими нервами... – издевалась над собой Валентина. – «У меня талант... Конечно, у меня кое-что получается, я не пугаюсь внучат, знаю, куда девать руки, но разве этого достаточно? Нужен талант. Домашний талант – капелька уверенности, капелька воображения, – а пламя, которое жжет сердце. Иначе не стоит, иначе я не хочу...»

Алексею надо было закончить работу к пяти часам, чтобы не опоздать домой, Вера чувствовала, что она, вот-вот родит, так как до дома от работы, было далеко. Он, по крайней мере,

час изливал потоки лести по поводу рождения ребенка, и когда председатель стал разговаривать благосклоннее, попросил у него разрешения уйти с работы пораньше...

– Идите... но только завтра в обеденный перерыв вам придется покрыть лаком качалку.

– Будет сделано, господин начальник, как же иначе... Войдя в свой дом, и не успев снять одежду и переодеться, он не мог понять; почему в доме много людей. Медлить дальше не имело смысла: могло прийти много-много человек, только по одной причине; – Вера родила, думал, он. В большом зале все суетились и лица у всех женщин, блестели от пота.

– Что же, поздравляю с рождением дочери! – торжественно объявила теща. Несколько секунд он смотрел сквозь окна двери в зал, пока не затихли разговоры, и начал:

Для того чтобы внести ясность в происходящем, он спросил, – что здесь, произошло?

– 01 февраля 1972 года, у тебя родилась дочь, «дома». Ждем скорую помощь, ее и ребенка, увезут в роддом. Все хорошо, но так нужно... – сказала медсестра, подавая ему ранее заготовленную ею записку.

– Спасибо! – Вам за дочь, и за жену тоже, поблагодарил ее Алексей. Я думаю, однако, что для нас это уже не представляет особых трудностей, ибо мы с каждым днем все больше, приспособляемся, и таким образом наши потребности начинают соответствовать, так сказать, нашим возможностям. Я надеюсь, что и Людочку мы, вырастим достойно. Таня и Наташа получают образование: они не лишены возможности получить высшее образование. Но для них большое значение имеет личная инициатива, удача и труд. Я повторяю, это уже вопрос ближайшего времени, я могу в колхозе взять им, направление в институт. И так – труд и еще раз труд, уважаемые мои дамы. Украинцы, как известно, народ живучий. И если мы будем держаться друг за друга, если будем хранить семейные традиции, тогда мы вынесем все испытания.

Он сделал паузу, давая гостям возможность переживать радостное известие и намереваясь, преподнести на десерт нечто посвежее. – Луч надежды все же блеснул в нашей семье. Да, в самые последние дни, мы с Верой, ждали девочку. Ведь, с младшим ребенком, мы собираемся, жить до старости. Мы верили, надеялись и ждали, и вот нам подарок! Людочка! Наша маленькая крошка. Она наш лучик! Она наша надежда!

Веру увезли через полчаса, но «родные» еще долго не расходились. Спорили, убеждали друг друга; говорили, что чудеса, да и только! Надо было ехать в больницу, другие убеждали, что это не случайно, пускали в ход свои мысли. Но слава господу, что все обошлось и Вера, и Людочка, себя чувствовали хорошо. Все переживания, остались позади. Клятва «гепократа», – данная медсестрами, выполнена, на отлично! – смеялись с них, теща и родственники Веры.

Со смиренной улыбкой на лице, еще издали протягивая руку ему, Николай и Василий, выказывали свои поздравления с рождением дочери.

– Здравствуй, счастливый отец! – воскликнули они оба, с жаром встряхивая руки по очереди Алексею. – Ну, не права ли старая поговорка: с рождением ребенка, человек... Как ехалось?.. Как здоровье?.. Видим, что ты у нас помолодел..., передавая в очередной раз листок бумаги.

– Держимся, господа коллеги, держимся, – ответил Алексей, слегка выправляя спину, по старой привычке, спину, как будто перед ним стоял председатель колхоза, а ни его коллеги по цеху. – А вы как? Почки не капризничают?..

– Понемногу. Поздравляю! С ювелирной работой, тебя! – говорил Николай.

– Спасибо!

– Как настроение? А кого же ты, хотел? Сына или дочь? – спросил его Василий.

– Отлично! Бог, услышал наши пожелания! – с радостью и улыбкой на лице, ответил Алексей.

– Ну, тогда, в чем же дело?.. Где?.. – с ухищренной улыбкой, намекнули они.

Как всегда, все со мной. В моей семье, традиций не нарушают... – довольный собой, уверенно, ответил он. Мало что осталось от прежнего «Алексея», разве что глаза, которые, светились от счастья и радости, старающиеся все схватить, все удержать, все успеть... – глаза счастливого отца.

А как поживает молодая мама? По-прежнему полна бодрости, все такая же верная подруга в дни жизненных невзгод?

Внимание Николая и Василия льстило Алексею. Он тоже хотел было осведомиться о самочувствии супруг его друзей, но, к счастью, вспомнил, что у них были какие-то проблемы с их «кошечками» и быстро забормотал что-то о величайшем удовольствии, которое доставит жене после ее выписки из роддома. И почти без перехода, деловым тоном спросил:

– Вы, наверное, спешите? По – прежнему ни минуты выдержки, по-прежнему множество желаний?

– Мм-да, – промычал Николай. – Ребенок у меня всего один и то... Это весь мой багаж... – Он уязвленно посмотрел на Алексея. Потому что, у него с женой детей не было, и они взяли с дома малышки, девочку.

– Да... Тебе не зачем так нагружаться, как придется мне, – шутил Алексей, мы истрепали уже весь твой листок.

– Зайдемте в цех. Нам надо обсудить кое-какие вопросы. Разрешите, я по моложе... – Василий вознамерился взять корзину с продуктами. Алексея возмутила такая любезность, и он вцепился в свою корзину.

– Я сам... извините... как это можно...

Они любезно поспорили, затем Василий отстал, позволив Алексею самому нести корзину. Да и не привык Алексей, что бы его коллега играл роль носильщика.

В цехе они сели за столик и начали выкладывать все вкусности приготовленные его тещей.

– Итак, приступим... – сказал Алексей. – Это за мою Людмилу и мою жену!!! Она мне подарила еще одну радость в жизни! Теперь в нашей жизни ясность и определенность...

– Откровенно говоря, я очень рад, своим четверым детям, – сказал Алексей. – Это мое богатство, чему я очень, очень рад. У меня есть кому, продолжить род, а это цель, всей, моей жизни! Мне, есть, ради чего жить и трудится!

– Как сказать... – Мы знаем твои способности. Притом у тебя есть еще и другого характера увлечение. Ты постоянно занят в свое свободное время от работы, еще и пчелами, узнаем, нашего трудоголика! – говорил Николай.

– Ага. Что, есть у них что-то особенное? Почему, ты, так любишь это занятие? – спросил Василий. – Например, я, их, боюсь!

– Надо признать, что да. Мне осточертела жизнь на работе, это однообразие. Захотелось чего-то другого, вот, я и нашел, себе занятие... «Пчеловодство – отрасль сельского хозяйства, которая занимается разведением медоносных пчел для получения меда, пчелиного воска и других продуктов, а также для опыления сельскохозяйственных культур с целью повышения их урожайности.

– Пчеловодство было известно задолго до нашей эры. В его истории различают несколько этапов:

– Дикое пчеловодство – охота за медом и воском (гнезда пчел – пчелиные соты разыскивали в дуплах деревьев).

– Бортевое пчеловодство.

– Колодное пчеловодство (пчел содержали в неразборных ульях – колодах, дуплянках).

– Рамочное пчеловодство (разведение пчелиных семей в разборных ульях с Вынимающимися рамками). – Вот этим, я и увлекаюсь, – смело объяснил Алексей.

Первый рамочный улей сконструировал мой отец пчеловод с Украины Литвишко Петр Никитович в 1907 году. Изобретение моего отца положило основу рамочному пчеловодству и мне. Высокотоварной отраслью пчеловодство стало, только после того, как в 1851 году Лангстротом в США был запатентован свой рамочный улей, где рамки извлекались сверху специальным устройством, а также благодаря изобретению чешским пчеловодом Ф. Грушкой медогонки. – Рассказывал мне об этом, мой отец, Петр. Пасечник в пчеловодном костюме вынимает рамки. Рамка с запечатанным зрелым медом находится в улье. Окуривание рамок при помощи дыма, производит на меня неизгладимое впечатление, я столько получаю удовлетворения от этого занятия.

Рамка с печатным расплодом (в середине) и запечатанным медом (по верхнему краю, крышечки белого цвета). Это уже мед готовый к употреблению. Распечатывание сотов, я произвожу, специальной вилкой. Извлечение меда из рамок при помощи медогонки. В этом приятном занятии, мне помогает моя жена, Вера. Типичный вид струи зрелого меда при переливании в тару, – Веру процедура эта, настолько увлекает, что она забывает обо всем... – рассказывал Алексей своим коллегам, с такой страстью... – Что, коллеги, его заслушавшись, забыли по какому случаю они, сейчас вместе...

Пчеловоды-любители не облагаются налогами, излишки продукции мы с Верой, продаем закупочным организациям или на рынке.

В качестве хобби пчел разводили в прошлом, и разводят ныне многие известные личности. Среди них:
– Литвишко Петр Никитович – выдающийся пчеловод; – мой отец.

– Литвишко Алексей Петрович – пчеловод любитель. Закончив свой рассказ о пчелах, Алексей спросил своих коллег, я, вас, не уморил? Вот, что значат, для меня и Веры, пчелы! Занятие с пчелами, снимает напряжение, усталость, расслабляет и успокаивает... А еще мед и прополис, очень полезны для здоровья. Несколько снимков работы с пчелами:

– Например, вам я, завтра, по пчелке принесу и за шиворот пушу, хорошо? Для профилактики, согласны?.. – рассмеялся Алексей.

– Как сказать, – ответил Николай, осторожно косясь на Алексея: – серьезно он говорит или только притворяется? – Взгляд Алексея успокоил его – по-видимому, он шутил и подсмеивался над ними... Дело в том, что Николай «его коллега» с некоторых пор пытался заниматься ни один раз пчелами... Год тому назад, так как и ранее, «пчелы», его искушали, до, не узнаваемости. Он бросил, это увлечение навсегда...

Официально его не освобождая от занимаемой должности столяр-плотник, провели по совместительству и пчеловодом, он продолжал работать и пчеловодом в свободное от работы время, с дополнительным заработком «за внеурочное от работы время». Понятно, что его нельзя было послать в рабочее время.

– Это было бы весьма болезненно, – согласился Николай.

– Это была бы катастрофа. Поэтому надо делать все, чтобы не допустить этого, в рабочее время, – возразил Василий. Председателю надо сказать правду в глаза. Без Алексея, на работе, будет, положение критическое... Если нам не пойдут навстречу и не позволят в приемлемых условиях работать в цехе на рабочих местах всем, то мы, потеряем, упустим из рук реальную прибыль, которая когда-нибудь пригодится и им. Ведь зачем скрывать: в таких больших масштабах, как знает работу Алексей, большой объем и масса заказов, – которые принимает и выполняет, он лично; нельзя допустить, таких, простоев в работе – только надо удержать ее и использовать.

– Выступайте смелей, требуйте. Вы говорите не только от своего имени – за вами стою и я.

– Я буду, по возможности, требовать категорически, уточненный график, в связи с дополнительной работой пчеловода. – Они должны знать, насколько серьезно, будет, без меня, положение в цехе.

– Учитесь, вам это пригодится. Пока что вы плохо работаете, это я должен сказать без обиняков. Точно злости в вас нет, а если пробуете рубануть, попадаете мимо. Так нельзя, надо рубить наверняка. Сейчас у нас появилось в руках новое оружие... Проситесь со мной в помощники. Один сторожем, другой помощником.

– Разве, ты, не понял? Что мы, их, боимся! Никогда! – протестовал Василий. Николай просто молчал...

– Вы еще много не знаете. К ним нужно привыкнуть и понять...

В цех вошел высокий, с белокурыми усами, председатель колхоза. Заметив накрытый стол, он поздоровался с ними одним взглядом, и Алексей ответил таким же незаметным кивком головы. Потом он пригласил его к столу. Председатель подошел к столу и заказал кофе, которое тут же, не присаживаясь, выпил, и стал переписываться с Алексеем, Василием и Николаем незаметно ушли. Выходя, Николай посмотрел на Алексея и, сунув пальцы за борт пиджака, побарабанил по груди.

– Это тот, о ком вы мне говорили? – спросил председатель, когда они встретились на улице.

– Тот самый. Доверчивый и честный, во всяком случае, безвредный человек.

– Стоит взять сторожем?

– Почему же нет? Он довольно ответственный человек. Но с ним надо обращаться осторожнее. Остались еще кое-какие дурацкие предрассудки. Может заупрямиться.

– Мы его поставим в такое положение, что он будет рад любому предложению. На моих коллег можете положиться.

– Я знаю.– Председатель улыбнулся.

Вернувшись в цех, он заказал кофе и пожертвовал Алексею еще полчаса своего драгоценного времени. Потом поздравив его с рождением дочери, они распростились.

Вечером Алексей пошел домой. Село Свет он проезжал в темноте, но красновато-белое зарево доменных печей, похожих на разинутые звериные пасти, играло в ночи.

Проснувшись утром, он увидел за окном однообразную, напоминающую поверхность белоснежной скатерти землю, покрытую снегом. Каменные домики селян, дворы с сохнувшим на веревках бельем, спокойные, проворные люди, вывозившие навоз на поля.

Доктор в родильном доме больше не мог держать Веру. Пытался продлить срок ее пребывания – ничего не вышло: отделение было переполнено.

Дочь и Вера чувствовали себя хорошо, а койку нужно было уступить другой женщине.

– Не беспокойтесь, доктор. Вы были так добры ко мне. И к дочери. Я никогда не забуду этого.

– Вот возьмите! – доктор протянул ей выписку из роддома. – Ведь вас доставили прямо из дома.

– Я благодарю. Возможно, мы с вами еще увидимся. И я хочу вам сказать спасибо за все, что Вы сделали для меня и моей дочери.

В Елани их встретил крупный, пушистый снег. Алексей ехал за Верой в роддом. Главной заботой в жизни Алексея и Веры стала дочка Люда. На обратном пути домой, ветер шумел за окнами машины, крупные снежинки падали и покрывали землю белым плащом.

Она вышла на улицу. Прямо у крыльца ее ждал Алексей. Они поехали домой в Красноталовку. Где их ждала Валентина Николаевна и их трое детей.

Вера думала, спрашивала себя и ждала ответа. Ведь рождение Людочки было, случайностью. Вера ухаживала за Таней в больнице в тот день, когда, ей, должны были прервать беременность. Один день думала Вера, один день и суждено, было, появиться на свет моей крошке. Земля молчала, но сердце подсказывало ей, что случай, который произошел, верный, правильный случай. Да, прости меня господи! Алексей изредка поглядывал на Веру, которая, на руках держала – обхватив и прижимая к себе крохотный сверток, их крошки, и приятно становилось тогда у него на душе. Что им сулило будущее? Все ту же гармонию между собой, все то же уважение со стороны тещи и полный достаток в семье.

– Это моя внученька? А ну-ка, дай? Ой, да она же совсем крошечная! Плачет!.. Потому что наверняка голодна. Ой, какая красивенькая, ну, ну, ну, не надо, не плачь! Агу, агу... – причитала бабушка. Все они шли в дом. Тогда она обратила свой взгляд на дочь.

– Я очень устала, если б вы знали... – Вера согнулась над дочерью, лицо ее словно искрами светилось изнутри.

– Я принесу тебе покушать, а, доченька?

– Я сама... Вы только подержите доченьку, я себе и Леше приготовлю поесть.

– Да, доченька, идите. Я уже все приготовила, кушайте.

– Людочка, Люда, агу, агу – не могла нарадоваться бабушка, агукая с внучкой. Она была настолько поглощена внучкой, которую держала на руках, что сразу не заметила, появления Веры и Алексея.

– Людочка, какая ты красавица! Хорошая... Ой, ты, наверное, хочешь кушать? Да? Мама сейчас тебя покормит, потому что, она пошла покушать. Но, но где же? Где она? Куда подевалась? Ну, ну, ну, не надо, не плачь! Потерпи немножко. Мама пошла, перекусить, а когда вернется, даст и тебе. Не плачь, внученька, не плачь...

Вера с Алексеем сидя на диване, наблюдали со стороны, за Валентиной Николаевной.

Сыну уже шел восьмой год, он начал ходить в школу. Что скажет он отцу, когда подрастет и узнает, что дядя был прекрасным кузнецом, отец – плотником и пчеловодом. Не стыдно будет перед друзьями, перед учителями. А Коля, приходя из школы, рассказывал, какой у него

храбрый отец, пчеловод и плотник, какие у него умелые руки, или объявлял родителям, что непременно станет похожим на отца. Говорил, уж лучше жить потруднее, да богаче. И Алексей твердо решил сделать все от него зависящее, чтобы незапятнанная родословная семьи, дала, хорошее будущее сыну. Он много работал, развел большую пасеку пчел и большое хозяйство.

Вечером, когда Коля, приготовив свои несложные уроки, ушел спать, Вера сказала Алексею:

– Ты видишь, каким способным мальчиком растет наш сын. Уже март идет, год скоро кончится. А он ни разу к нам не обратился, за помощью с уроками, ведь так?

– Я с тобой полностью согласен, – не подымая глаз на жену, читая газету, – сказал Алексей. – Он подражает своему отцу, я им, горжусь!

– Вот и девочки наши, поступят в сельскохозяйственный институт, вернутся в колхоз: Наташа, бухгалтером, Таня, экономистом, а?

– А ты на удачу рассчитываешь? – спросила Вера.

– Господи, ну, конечно, и на их способности, тоже! На худой конец – техникум или училище, для начала, вполне смогут...

– Я так и знала... Ты хороший отец! И муж! – Спасибо, – ты думаешь, они не смогут устоять перед искушением? Плохо ты их знаешь.

– Очень хорошо я их знаю. Знаю, что из сельской местности, будет не просто... несмотря, на их, диплом с отличием. С сожалением подумал он – начнут с училища, а кончат институтом. А я хочу, чтобы в нашей жизни не было неудачников.

– Тебе везде не удачи чудятся... – Вот и эта поездка детей... Ведь они не одни поехали, а? В сопровождении Михаила... Он им поможет, надеюсь! Что с ними может случиться, Леша?

– Не выдумывай, не расстраивайся, Вера. Если так рассуждать – город опасное дело, а как же, получить, достойную профессию тогда? Надо верить в лучшее. Если бы, я, только, слышал?! – все, было бы иначе.

Но Алексей был прав. Дочери вернулись и без приключений в городе, не обошлось! Татьяну, до шокового состояния, довели цыгане, «гипнозом»: Вырвав, у нее из головы волос, после чего, убедили ее, отдать все деньги. Наталья стояла рядом, молча и не могла сказать ни слова. Когда, они, пришли в себя и поняли что, у них нет денег, «цыган», – уже и след простыл...

– Помогите! Помогите! Помогите! – кричала Наташа. У нас деньги украли, цыгане...

– Я ни чего не помню!.. – сказала Татьяна. Она стояла и плакала.

Да, говорили прохожие, цыгане сельчан не поощряют... Вы их, уже не найдете, с сочувствием говорили они. Ведь для них город, это было ново и незнакомо.

– Что же будем делать? – спрашивала Наташа у Тани.

– Я думаю, заберем, документы из института. У нас нет другого Выбора.

– Да! Ты права, это выход! – согласилась Наташа.

Документы в ВУЗЕ вернули с большим трудом. При вынужденном объяснении истинной причины. Таким же образом, вернула деньги, хозяйка съемной квартиры.

Поздно вечером они сели в такси и поехали в город Волжский к дяде Лешу.

Алексей, проводив детей в школу, отправился в училище по делу своих племянниц. Они зашли в училище, к директору, и через приемную комиссию попросил принять их. Наташу приняли на должность «аппаратчик-лаборант», а, Тани отказали по состоянию здоровья.

– Я хочу работать, дядя Леша, – сказала Таня. – Помогите мне поступить на какую-нибудь маленькую должность. Я буду благодарна за любую работу, которую мне доверят.

– Алексей, подумав немного, позвонил начальнику отдела кадров Шинного завода.

Через несколько дней Таня уже работала на заводе в цехе озеленения.

– Добрый день, мама! – в слезах говорила Наташа.

– Что случилось? – испуганно спросила Вера.

– Мы не поступили, потому, что у нас украли деньги. Она все рассказала своей маме. А как быть, с тем, что мы, не оправдали папиных надежд, мама? Он сильно будет, на нас, зол? «И ты нас будешь ругать за это, мама? – думала она.

– Нет, не буду! Я еще тебя расцелую! – Наглядевшись на свою испуганную дочь – заботливо сказала Вера.

– Ни за что не поверю... Как еще расцелуешь!..»

Завидев на дороге мотоцикл, дочь говорила:

– Папа приехал – будет ругать...

Поравнявшись с воротами, Алексей остановил мотоцикл и оглянулся. И у обоих на лицах появилось одинаковое удивленно – настороженное выражение.

Первой подошла Наташа.

– Добрый вечер, папа! – поцеловав его, сказала она.

– Добрый вечер, – ответил Алексей. И крепко обнял свою дочь.

Наташа дала ему описанную на листке бумаги всю историю приключений с ними в Волгограде. Он вдруг почувствовал непреодолимую жалость к своим дочерям.

Как это могло случиться, что их, дочери, попались, этим недалеким, малограмотным цыганам. Разъезжающим, как ни в чем не бывало, по всей стране, и, видимо, дела их в самом цветущем состоянии. Узнав их историю, а главное, их планы (о дальнейшем Алексей читал охотнее), он решительно заявил, образование – это, все в будущем, а зато, что вы, не растерялись и нашли выход в данной ситуации, я вами горжусь! Ну, больше не стоит об этом говорить, все будет хорошо, я вам верю!

Благодарю Алексея за его помощь и поддержку вам.

Утром они уехали в город.

На следующее утро Татьяна пошла на завод, а Наталия в училище.

Татьяна вышла на улицу работать на территорию озеленения. Прямо на другой стороне ее стояла женщина, похожая на цыганку, зажав в руке несколько бумажек. И снова, как тогда в Волгограде, а потом и в доме хозяйки, куда они пришли, ее преследовал такой же знакомый голос:

– «Отдай деньги, иначе все сгорят... Вырвав из головы у нее волос.

– Я не дам! У меня нет! – пыталась вырваться из рук цыган Таня. У меня нет, нет, нет...».

Войдя на территорию завода, Татьяна увидела скамейку и сидящую на ней немолодую женщину.

– «Не проходите мимо своего счастья! Я вам всю правду скажу! Не пожалеете... Снова и снова стояла эта картина у нее в глазах, и звучали слова ее в ушах».

– Ой, ну, и денек сегодня, – взглянула она на эту женщину, сидящую на скамейке. – Устала... Как мне не везет... Почти ни чего, не понимая. А находилась, ног не чувствуя под собой. Кажется, никогда не пройдет... Эта женщина! Цыганка... Наверняка она. Она поминутно вспоминала. – Не могу, не могу больше. Боюсь. Я же говорю, раз не везет, так не везет. Кажется, этот ужас никогда не пройдет...

Она постоянно вздрагивала, едва завидя женщину, похожую на цыганку, где она работала.

Но она проходила мимо, не замечая ее. Тогда она обратила свой взгляд на тетю Надю.

– Тебе нравится? – Мезина Надежда веселыми глазами глянула ей в лицо.

– Почти месяц прошел с того дня – когда в Волгограде меня обокрала цыганка, загипнотизировав перед этим. С грустью выслушала ее рассказ Надежда – со всеми откровениями поведала она ей о горестном случае с цыганкой, свалившуюся, как снег на голову ей, в тот злополучный день.

– Ну, что делать, а? Ведь не уволят же с завода, из-за того, что случилось со мной... в Волгограде? Хочешь дам совет? Возьми отпуск за свой счет, а потом посмотрим.

– Знаете, тетя Надя, вы правы. Я, наверное, уеду домой, может страх все же пройдет. А если нет, тогда приеду и уволюсь. Хорошая ты моя! Все будет хорошо, о плохом не думай, договорились?

– Уже не думаю, тетя Надя. Вам рассказала только об этом. Татьяна понимала, что должна взять себя в руки, успокоиться, не нервничать, это ведь может повредить ей. Она не спала всю предыдущую ночь. Неужели и в эту не сомкнет глаз? Сна не было, только под утро Татьяна забылась в тяжелой, отрывочной полудреме.

Первыми словами, едва открыла глаза на следующее утро, были: «Наконец я еду домой!..» Она молча покачала головой. Родители должны были получить ее телеграмму... Значит, теперь уже наверняка – они ее встретят. Слезы сами собой полились из глаз, и остановить их было невозможно. И снова эти невыносимые воспоминания внутри ее... как с ними справиться?

Вера и Валентина Николаевна, видя, что состояние Татьяны ухудшилось, «онемел язык, и отнялась речь» настаивали на немедленном лечении. Им казалось, что у нее измученная душа, и, вряд ли врач ей поможет. Единственный выход – целительница Маруся, идти нужно к ней, она ей поможет.

– Два года в армии... – прошептала она ошеломленно. – Так что же... он вернулся, когда? И ни пришел еще ко мне!.. – спросила она, Любу.

– Таня сначала никак не могла понять, что же именно ее так поразило.

Нет, не то, что она узнала, что Александр вернулся из армии (в конце концов, она же знала это – она ждала его и он ей нужен!), и не то, что Александр уже минимум два дня дома и ни то, что он где-то рядом... Дело было в другом: Александр, это ее выход, это ее спасение от всех неприятностей...

Она, Таня, иногда вспоминала неприятный инцидент с ним «если бы не Наташа...». Обличала себя в эгоизме и прочих грехах... раздражалась и злилась от одной мысли о нем... кляла судьбу, которая связала их. Давным-давно выкинула бы этого Александра из головы! Ждала и радовалась, что они будут вместе. Но одно, ей не давало, покоя «Наташа». Ведь он перепутал их, а она... пошла на это. Потом, ее подруга, уличила в этом Таню: Вос-по-ми-на-ния

– Как ты можешь? Ведь он тебя называет Наташей, а почему ты молчишь? – спросила она ее.

– Я не расслышала! – ответила Таня. И поговорив с ним, «о Наташе» он, это..., отрицал. Ее, Люба с сестрой уговорили не расставаться с ним.

Внешне Александр не так уж и сильно изменился за эти два года. Сколько прошло со дня их последней встречи? Два года...

Его темно-русые волнистые волосы, коротко стрижен. Глаза смотрят прямо и уверенно (просто-таки наглые глазищи!). Губы, его подбородок... Лицо избалованного разгульного парня.

Негодование и «любовь» буквально распирали Таню.

Но неожиданно постучали в дверь. Она поторопилась открывать... увидев его, она почувствовала некоторое облегчение – она поняла, что в их «вечной войне» выигрывает она.

К разговору с Александром Таня готовилась очень долго.

Она не была уверена в том, что поступает правильно. Даже более того – интуиция подсказывала, что все разговоры на эту тему окажутся напрасными. Но таить в себе свои чувства она тоже не могла...

– Я так соскучился! – сказал он, обняв Таню.

– Ты одна?

– Нет.

Он снял с себя одежду и напрямик направился в зал, бухнулся на стул и протянул к Тани руки:

– Иди ко мне! Иди же...

Таня замерла в нерешительности. Сделав над собой усилие, она села на стул в некотором отдалении.

– Нам надо поговорить, – сказал он.

– Что – то случилось?

– Да. – Он слегка переменялся в лице. – Послушай, но мы уже давно решили... Выходи за меня замуж! Никаких возражений я не принимаю...

– Что? – Не знаю, до тех пор, пока я не разберусь с сес... их разговор прервала Наташа, которая, в этот момент зашла в зал.

– Фу-ты... – вздохнул он с облегчением. – Напугала!..

Он устроился поудобнее, подперев голову рукой, и спросил уже совершенно другим, спокойным голосом:

– Но, так ты, выйдешь за меня замуж?

Он в этот момент показался Тани каким-то невероятным красавцем... Но это была не та слащавая, конфетная красота, от которой становится приторно, – а нечто иное, из-за чего гибнет женское сердце.

«Не порть этот вечер! – шепнул Тани внутренний голос. – Иди к нему...»

– Послушай, Саша... – нерешительно начала она. – Я все хотела тебя спросить...

– Так спроси! – ласково сказал он. – Выкладывай, что там тебя мучает...

– Ты любишь Наташу?

– Что? – удивленно переспросил он.

– Ты слышал. Ты любишь Наташу?

– Ну... – он задумался. – Почему ты спрашиваешь?

– Пожалуйста, ответь мне, – прежде, чем я тебе дам ответ...

– Ох уж эти женские заморочки... – с досадой вздохнул он. – Мы вроде бы не раз обсуждали этот вопрос. Я люблю тебя. Он сел перед ней на корточки, заглянул ей в лицо.

Свадьбу назначили через месяц. Но через неделю Татьяна застала, как, Александр, целовал Наташу. Они, оба, ничего объяснять не стали.

Наталия поняла, что не может причинить сестре боль. Я не смогу жить, зная, что из-за меня, сестра страдает. Любовь, это, была ли?.. Страсть и не более... – девичья страсть... Все пройдет! Но приготовления к свадьбе шли в слезах. Ответа нет... – одно оправдание, «ошибка молодости...» – которая, повторится и еще раз...

Десять лет страданий, слез, терзаний, унижений, измены и предательство, пережила в браке с Александром, Татьяна, с тремя сыновьями.

Наталия встретила любовь, «неземную любовь» – такая любовь похожа на солнечный удар и бывает настоящим подарком судьбы... Но у нее оказалось: две дороги, и на какую свернуть..., – предстояло ей, выбрать... Свернув не на ту, она, пережила предательство... И вернулась в родной отчий дом с дочерью. В это время призвали брата в армию.

Николай, выручая сослуживца у которого глаза были полны ужаса и страха, когда на построении прозвучала его фамилия, продолжать службу в Афганистане... Он не раздумывая, сказал, я поеду!

Он не знал, когда вернется к мирному небу, но все его помыслы и заботы были связаны с колхозом Россия, в котором он жил до армии, и два года срочной службы, в Афганистане. Как понятно было Михаилу его нетерпение. Этим беспокойством, этой тревогой были полны все, кто вернулся домой. Теперь его разделяли большие расстояния, от дома, до Афганистана. Пасмурное небо, под ногами слякоть и лужи. Почти каждую минуту слышалось буханье орудий, взрывы мин или автоматная очередь. Гава и Николай рассказывали друг другу обо всем, что с ними случилось с первого дня их службы, а иногда умолкали – глядели друг на друга, точно виноваты в своем счастье. Один из их лучших разведчиков наскочил на мину и потерял ногу. Но «языка» они все же достали.

– Скоро, наверно, пойдем в наступление... В отпуск никого не увольняют, только в особых случаях, с разрешения штаба армии. Борьба была недолгая, но шуму Николай поднял достаточно – стрелял из автомата, выбросил из танка две гранаты. Тогда капитан Гава метнул вниз одну за другой три гранаты, и там все умолкло.

Прошло два года...

Николай с друзьями поужинали, потом вышли погулять. Теперь можно было вернуться в роту и собираться в Волгоград, домой, на «дембель».

– Сегодня у нас настоящий праздник... сказал Гава Николаю, прощаясь перед сном.

– Если кто поедет в Волгоград, ты, конечно, черкнешь мне несколько строчек, – сказал Николай. И они долго – долго не разнимали соединенных в пожатии рук.

Всю дорогу до дома Николаю было грустно. «Друг мой милый, когда уж мы еще встретимся?» – думал Николай. Вспоминая службу в Афганистане, танк, в котором, он провел два года боевых действий. Друзей, которым, не суждено больше ни когда, вернуться в родные края... Вспоминал вертолет, взлетающий с ротой дембелей, который, на глазах у них взорвали. Следующий... – за этим: была, их рота.

Вера спустилась в погреб за продуктами. И тут Николай зашел во двор, его увидела сестра Люда. Она тут же поспешила сообщить маме.

– Мама, мама! Коля вернулся! Он во дворе! – кричала Люда.

Вера на крыльях радости и неожиданности вылетела из погреба и через минуту уже обнимала сына.

Председатель колхоза пригласил его в колхоз, водителем и пообещал построить дом.

Новое спешило пустить корни все глубже и глубже, и ничто не могло задержать его ростки.

Еще не совсем рассвело, когда Николай выехал в поле. Спал он не больше пяти часов, но чувствовал себя свежим и бодрым. После обычной утренней зарядки кровь бежала быстрее, во всем теле чувствовалось приятное напряжение, которое заставляло и голову работать интенсивнее, а думать Николаю было о чем. Он работал и трактористом в тракторной бригаде. Чуть только подсохла земля, так что тракторы не увязли в грязи, бригада Николая – четыре трактора с прицепами – отправились в большой весенний рейд. Маршрут был составлен еще зимой, причем с таким расчетом, чтобы, закончив работу в одном месте, не приходилось делать вхолостую долгие, по несколько километров прогоны до следующих хуторов, заключивших договоры с МТС. Если бы этот маршрут нанести на карту, получился бы сильно вытянутый овал. Вначале бригада пахала, бороновала и сеяла близ села, потом шаг за шагом, километр за километром, отдаляясь от него. Там бригада работала неделю в две смены от зари до зари, не отдыхая даже в воскресенье. Из четырех тракторов только один был новый, полученный в конце зимы, два работали уже несколько лет, а четвертый начал свою деятельность еще до войны. Николай прозвал его «дедушкой» и проявил к нему особое внимание, как к старому, заслуженному работнику. Он сам его ремонтировал, сам ухаживал за ним во время весенних работ и каждый день по несколько часов работал на «дедушке». Почтенный ветеран отвечал «ветерану войны» на это внимание похвальным усердием: ни разу не закапризничал, не останавливался среди поля без ведома хозяина. Тракторы поновее и то иногда причиняли неприятности, особенно в конце весеннего сезона, а «дедушка» ни на час не вышел из строя, первый из всего парка МТС закончил план работ и упорно боролся за первое место.

«Что это значит? – часто думал Николай. – Это значит, что машину надо любить, надо ухаживать за ней, выслушивать, как врач, и вовремя предвидеть и предупреждать каждое возможное повреждение. Как живое существо отвечает любовью на любовь, так и машина всегда отблагодарит своего друга».

Пример с «дедушкой» был показательным, – колхоз позаботился, чтобы опыт Николая стал известным и в других МТС.

Возле «дедушки» уже хлопотали люди. Тракторист – молодой парень в темном замасленном комбинезоне – проверял линейкой, много ли в баке горючего. Прицепщик и пожилой селянин, на участке которого работали сегодня, насыпали в сеялку зерно.

– До обеда кончим? – спросил пожилой селянин.

– Тракторист положил линейку и подошел к бригадиру.

– Чего же тут не кончить. «Старик» еще держится. Вчера к концу дня, правда, начал покашливать, я уж испугался, подумал, не серьезное ли что. Ну, а когда покопался в моторе, оказалось, что немного засорился карбюратор.

Заскрежетали гусеницы, запахло керосином и маслом. Сеялки спокойно двигались по пашне, семена падали во влажную рыхлую землю.

Первые лучи солнца уже золотили поле. Поднялся извечный друг пахаря – жаворонок. Мычали, выходя из хлебов на зеленое пастбище, коровы, аукались пастухи, издалека перебрехивались между собой собаки.

– Хороший будет денек, – сказал Николай, посмотрев на небо. – Значит, часа через два можно ждать горячего? Первым переехал на новое место Николай с «дедушкой».

– Могу тебе сказать по секрету, что твоей бригаде обеспечено первое место, – сказал Гришин, присев на большой валун возле канавы. – Вот ты сам даже не знаешь, какая ты известная личность. Поздравляю! Он молчал. Не от удивления: Николай не очень удивился, потому что победа эта не была случайной удачей.

У Николая сильно забилося сердце. Не шутит ли Гришин? Но нет, он так шутить не будет. – Желаю тебе удачи...

Первый раз в жизни он видел, что такое важное событие, как свадьба, справляли по – обыденному, как все, и не кто-нибудь ведь, а родной сын, Николай, который кое-что знал о хороших обычаях. Где же торжественность, где благоговейный трепет перед будущим, который должен испытывать человек, отправляясь в далекий, неизведанный путь? Как будто они сами распоряжаются жизнью, а не она ими. Или это во всем так при новом строе? Нет, Алексей не мог уразуметь это, а спрашивать о таких вещах считал неудобным. Да и трудно было бы ему передать ход своих мыслей. Даже сын казался ему в этот час новым, непохожим на прежнего Николая. Когда все подняли рюмки и чокнулись за здоровье новобрачных, странно стало на душе у Алексея и глаза его увлажнились. Но ни кто этого не заметил. Церемония бракосочетания Николая и Тамары прошла в клубе колхоза «Россия», сотни гостей, фото и видео съемка. Регистровал их, представитель сельского совета, который это делал с особым удовольствием.

За столом новобрачные сидели недолго: выпили несколько рюмок вина, подкрепились холодными закусками, заранее приготовленными Верой, и стали собираться в путь. По настоящему свадьбу праздновали в доме Николая и Тамары словно сон, и в голове Николая смешались в одну радостную вереницу впечатления от него – и построенный им дом от колхоза, и вручение от него ключей... А сколько добрых слов сказали все присутствующие гости, родные и близкие, своим теплым участием.

И вот зазвучала песня – светлая, радостно-тревожная, как вызов мраку и самой судьбе:

Еду, еду, еду к ней,
Еду, к Томочке своей...

И зачем ему было говорить о том большом, полном счастье, которое вошло в его жизнь, в жизнь Николая? Оно не с неба свалилось, как неожиданное чудо, но медленно и терпеливо приближалось к ним... Оно взрастало в далеких странствованиях и на полях сражений, долгожданное, заслуженное счастье.

В доме Алексея, расположившемся в селе Красноталовка, их ждали за накрытым столом родные, близкие, гости и почти все село. Хозяйничали в этот вечер Алексей, Вера, Валентина Николаевна и помогали им, их дочери Таня и Наташа.

День был теплый, ясный и солнечный.

Так и началась для Николая и Тамары новая жизнь.

Это было не совсем обычное утро. Ранним утром, не бессонница и не внезапная прихоть погнала Алексея с Верой в такой ранний час посмотреть на дом, который подарили Николаю и Тамаре. Первым понял это Алексей, который пробудился от дремоты очень рано.

– Ты что-то сегодня рано, Леша, – сказала Вера.

– Дела заставляют. С сегодняшнего дня будем жить по-новому. Надо бы посмотреть на дом? Что там и как? Надо будет поговорить с Колей и Тamarой. Да, еще вот что... Там очень много дел будет, надо бы, помочь, им?

– Конечно! Куда же мы денемся! Кто же, как не мы, им, поможет! Вот поедem, все вместе и решим! – Договорились? – она радостно улыбнулась Алексею.

– На следующий день после свадьбы он привез сюда Тamarу; восторгу не было границ. Николай обошел сад, все комнаты... «Вот оно счастье», – подумал с замиранием сердца он. Он обошел всю территорию вокруг дома и осмотрел приусадебные участки.

– Ну, всего вам лучшего в жизни... – желали им Алексей и Вера.

Когда мотоцикл уже катил по дороге и Алексей с Верой скрылись из виду, Вера решила спросить у Алексея дома:

– А ты не заметил, Леша, никаких перемен в Николае и Тамаре?

– По-моему, от дома «подаренного колхозом» они стали безгранично счастливыми и довольными...

– Пожалуй, что. А больше ты ничего не заметил?

– Конечно, вижу, что он будет хорошим мужем для Тамары. Они очень хорошо подходят друг другу.

– И больше ничего?

– Больше ничего.

– Какой же ты ненаблюдательный. Ведь Николай сбрил свои знаменитые усы. Вчера был с усами, а сегодня их уже нет. Как ты думаешь, что это означает?

– А ведь и правда. Надо было спросить у Тамары – мне кажется, это случилось не без ее влияния.

Но, хотя он женил третьего ребенка в этом году, осталась одна Любочка, работы хватало, было не меньше, чем в прошлые годы. Алексей и Вера не сидели без дела. Алексей только радовался, глядя на помощников.

Теперь Вера и теща могут больше заниматься скотиной и стряпней. Славные у них подросли дети: Наташи и Тани исполнилось по тридцать два года, Николаю двадцать пять. Только вот одно, огорчало их, что, жизнь семейная, у дочерей, не задалась...

– По вечерам, когда Алексей, Вера и теща ложились спать, на дворе долго звенели детские голоса внучат: Валеры, Вовы, Алешки, Вики, Ники, Виктории. У Коли уже было, двое детей: Света и Женя.

– Алексей обычно рассказывал Вере и теще о партизанском отряде в городе Полтава, в котором служили его родители. Он не был зазнашкой и не преувеличивал своей роли, но ему было приятно, что Вера и теща так внимательно слушали его. Их вопросы, восклицания удивления или ужаса, их полные затаенные нежности взгляды заставляли сильнее биться сердце юного Алексея. И сам он был полон нежности, грусти и смутной юношеской тревоги, от того,

что в раннем возрасте потерял мать. Валентине Николаевне было так жаль Алексея, ей так хотелось сделать что-нибудь такое, что доставило бы ему радость, и каждому из членов ее семьи, и ее детей, одна только мысль, о которых кружит голову... – сделать все, что облегчило бы им жизнь! Если бы!.. – постоянно вспоминала, особенно, в последнее время Валентина Николаевна.

Особенно потряс Валентину Николаевну развод внучки Татьяны. Из-за которого, у нее сразу же обнаружили сахар в крови в большом количестве. Свадьба... свадьба... свадьба... – вот тогда-то все и началось.

– Что случилось? Две родные сестры, – почему именно с ними, это должно было произойти...

Близняшка сестра – красивая, самоуверенная, получившая образование, хорошую работу «служба в армии» строгий характер выработала она, ни даст себя в обиду. Татьяне захотелось того же. Она стала капризной, дерзкой, просто невыносимой. За ней многие ухаживали, но она ни на кого и смотреть не хотела. Буквально бредила Александром.

– Она была влюблена в него? – Думала Валентина.

– Поначалу я так и думала, но потом поняла, что главное не в нем самом, а в том, что она плохо слышит и эта самая главная ее проблема, из-за которой она держалась за него все десять лет. У нее поэтому, паранойя – выйти замуж... Я не раз пыталась убедить ее, что не в замужестве счастье и тем более, с Александром. Да куда там! Разве с ней сладишь... И потом – не стану лгать – мне так хотелось, чтобы все ее мечты исполнились. Стали потакать ей, смотреть сквозь пальцы на ее выходки... А потом построили дом им, и в первый же праздник, в день новоселья, заметив, что Александр снова увлекся Наташей, я решила ее увести от туда... Но, он, понял и не позволил мне, это сделать, мне пришлось уйти.

В полночь Наталия вернулась от Татьяны вся заплаканная и долго не могла успокоиться. Николай едва успел уснуть, как услышал, что плачет Наташа, и ее рассказ об Александре его привел в бешенство... Он молча вскочил, оделся и убежал. Ворвавшись в дом к Татьяне, она, уже, лежала на полу, без сознания и возле нее была мама. Он так измолотил Александра и поставил его на колени, вымалывать у сестры прощения. Наталия пришла тоже, что бы раскрыть сестре глаза с каким чудовищем она живет.

Ее признание сомнений не у кого не вызвало.

– И ты мог сделать, это? Подлец! – Николай снова врезал Александру, да так, что, у того, тут же, из носа кровь пошла.

– Вера кинулась сына успокаивать... Прекрати сынок, не надо об него... – руки марать, оставь его, – упрашивала она.

– Наталия, рассказав всю правду, развернулась и гордо ушла. Вслед сказав ему, – что, я тебе, не Татьяна! Я тебя посажу! За твое предательство! За мою сестру! Мерзавец, мало тебе сельских шлюх? Ты, решил надругаться над моей честью... Но ты перепутал, не рассчитал, немного, – что, у нас разные характеры. И что я, ни когда не позволю, – такого рода, обращения с собой, ясно? Это тебе наука... – что значит, слово, «любить!..» Любовь – это святое!!!

– Наутро Наталия уехала в район, где они жили с дочерью. Дочь отвела в садик, а сама на свое любимое рабочее место, где она была главным бухгалтером.

– В полдень Татьяна с детьми пришла к родителям, дети остались с Александром.

– Запыхавшись испуганный: «Он, хочет ковер порезать, бабушка...» – кричал внук.

– А Татьяна вся в страхе и ужасе от происшедшего пряталась на чердаке у родителей.

Вера не раздумывая, хлопнув дверью, убежала к соседям звонить Наташи: «Привози милицию, он, здесь, буянит...», ждите меня, мама. Уже через час Наталия с милицией находилась в доме у Татьяны. Александр растерянно метался как загнанный в угол зверь и попросил его выйти из дома по нужде. Но за ним вышел один из милицейских сотрудников, вернувшись в дом, он успел себе в живот вонзить нож. Но это обнаружили уже при допросе в милиции,

откуда срочно вызвали скорую и его увезли в больницу. Но от ответственности по закону его защитила, преданная ему жена. Он был осужден на два года условно. Прожили они после этой драмы с Татьяной не долго, так как ее одноклассница Надежда, ждала от него ребенка.

- Вспоминать тот день, выше всяких человеческих сил...
- Таня возненавидела сестру, винила ее во всем и в разводе, тоже.
- И снова моя несчастная внученька, и ее детки – думала Валентина...
- И так же сильно ее мучила судьба дочери, Надежды и ее детей.
- Валентине очень тяжело было жить и видеть несчастную, подавленную от горя Татьяну и ее троих сыновей.

СПАСЕННАЯ ДВАЖДЫ

За много лет до того, как Валентина, на восемьдесят втором году, ушла из жизни за три дня: «Съев банку сгущенного молока при ее сахарном диабете», уходила в кому и снова приходила в сознание, чтобы попрощаться и попросить прощения у всех. Особое внимание она уделила Татьяне, которая ездила в районную церковь набрать ей святой воды. Она, приходя в себя, постоянно спрашивала у дочерей:

– Таня еще не приехала?

– Ей говорила, пока нет.

– Забежав в дом Татьяна: «бабушка, я вам водички привезла!»

– Она открыла глаза, спросила: – Водички привезла?

– Да, бабушка! И подала ей в руки полтора литровую бутылку с водой. Которую бабушка выпила залпом. После чего обратилась к Татьяне.

– Внученька, прости меня за слова, сказанные иногда тебе в гневе, я тебя и деток твоих очень, очень сильно любила.

– Затем попросила прощения у дочерей и тихо закрыла глаза...

Вспоминали дети...

«– Занимаясь обычными делами, она, вдруг решила: жизнь свою закончить «самоубийством». Уверенная в своем решении, ушла в дом, к младшей дочери. Потому-что, в это время, у нее, ни кого не было. Она выбрала себе место, где, хотела жизнь свою закончить, через «повешение». Взяла стул и веревку; – сделала петлю и стала подниматься на стул и вдруг услышала голос: «Иди отсюда, это не твоя смерть». Она растерялась: «Что?» Но голос настойчиво ее просил: «Иди отсюда, это не твоя смерть...». Встав со стула и бросив сделанную петлю, она покорно пошла, повинаясь внутреннему голосу. Направившись в сторону дома, она подошла и села на крыльцо. Сидела и молча плакала. С тех пор, как она услышала, Слово Божье, она была им покорена, но не было удовлетворения, смущали многие вопросы и тайны, которые она никак не могла объяснить и понять. Особенно не давал покоя вопрос о своей жизни и предназначении. Она ожидала от духовного лица более глубокого и библейского объяснения происходящего. Но нужного ответа так и не услышала.

Но Господь был рядом! Не без борьбы сатана отдавал ее судьбу в руки Господа. Силою своей нежной любви он одержал долгожданную победу! Открывая вновь и вновь необъятную красоту, доброту, и любовь своего Небесного Отца. Она дарила всем до последнего дня своей жизни».

Валентину Николаевну хоронили на приходском кладбище, которое, находилось за огородами их дома. Даже старикам не приходилось видеть за всю долгую жизнь такой процессии провожающих, как на похоронах Валентины. Больше половины жителей всех ближних сел шли за красным гробом; приехали люди из района и разных городов. У ворот кладбища шесть мужчин подняли гроб на плечи, и под звуки траурного марша Шопена огромное шествие медленно направилось по дорожке к месту погребения. Многие пошли боковыми дорожками, чтобы раньше подойти к могиле, многие столпились за сеткой огороженной кладбище напротив могилы. Алексей и Люба вели под руки Веру, они, казалось, ничего не видели и не слышали. За ними шли внуки и Надя. Алексей старался не плакать, но то и дело какое-нибудь всплывшее из глубины памяти воспоминание о теще жгучей скорбью отзывалось в сердце, и слезы, не переставая, бежали по его щекам.

«Если мы и жили в достатке, то только благодаря ей, – думал он. – Бывало, вся в заплатках ходила, недоедала, – только бы нам с Верой дать возможность жить лучше. И всегда веселая, всегда шутила... Даже когда ей было тяжело, больно...»

Покрасневшие, распухшие от слез глаза Веры, Надежды, Любы с грустным видом глядели на Алексея.

Когда все кончилось, родные постояли еще немного у могилы, покрытой венками и охапками цветов, и медленно пошли с кладбища. Пусть даже некоторые, пришли из любопытства, – большинство в этом море людей испытывало искреннее, неподдельное горе, провожая мать, бабушку и подругу...

«Она, наверно, и сама не подозревала о своей популярности. Оказывается, люди ее любили, она была необыкновенной женщиной, матерью и тещей».

Вера лишь усилием воли держалась на ногах. Дети видели, все, и особенно Алексей, старались облегчить ее страдания, хотя какие могли быть утешения в ее безмерном горе. Оставшись одни после похорон, у них слезы лились из их глаз непрерывно, они их не замечали, не вытирали и все вспоминали, вспоминали...

Татьяна после похорон принимала успокоительные.

Наталия пробыла в отчем доме девять дней, со своей дочерью Викторией. Три года назад, она перенесла шок, из-за ДТП Виктории. Она старалась сдерживать себя, так как, понимала, что малейший стресс, приведет ее состояние к ухудшению, которое и без этого было очень слабым.

«За три дня до смерти, она, с дочерью была, в отчем доме, в гостях. Валентина Николаевна присела на краешек кровати, к Наталии и нежно, поглаживая ее по руке, говорила: «Лучше я, умру, внученька, а вы живите».

– Вера провожала фельдшера.

– Она была очень обеспокоена судьбой и здоровьем Наталии и Виктории.

– Наутро, когда они сели в машину, Валентина так близко смотрела в окно, махала им и плакала. У Наталии защемило сердце от ее взгляда, она почувствовала всю заботу, тепло и ласку своей бабушки. И не хотелось уезжать, еще хотя бы на денек остаться, но это было не возможно. Тихонько отъезжая от дома они махали своей бабушки и родным, которые провожали их.

– Через три дня Наталию приглашают к телефону:

– Алло, слушаю!

– Доченька..., потом тишина и Вера продолжает говорить...

– Бабушка умерла.

– Мы едем.

– Наталия не могла сдержать слез, она так громко рыдала, захлебываясь слезами, что к ней сбежали все испуганные сотрудники.

– Что случилось? Умерла, умерла, умерла... бабушка.

– Они пытались найти ей слова утешения, но она их не слышала. Это горе охватило ее сердце и душу. Она мысленно твердила почему, почему, почему и не находила ответа.

– Она сообщила еще двум сестрам и уже через пять часов они подъехали к родному дому.

– В доме было много людей у гроба Валентины.

– Mamочка, мамочка родная, что случилось?

– Вера плакала без остановки, ее не могли успокоить, и Наталия находилась просто с ней рядом. Она не могла думать, ей было невыносимо больно, и страшно представить, себе жизнь без ее любимой мамы.

– Mamочка, любимая моя, я всегда буду рядом и во всем с Викторией будем тебе помогать.

– Жить надо дальше.

– Это очень, очень трудно, но ты нам нужна и ради нас... мамуличка, береги себя.

– Хотелось бы. – Бедная доченька! – Вера сокрушенно покачала головой. Как несправедлива жизнь. Вот, что значит судьба.

– До свидания, мамочка, она ее крепко, крепко, крепко обняла и поцеловала. А потом всех по очереди, родных, – которые, вышли проводить их.

– Благословит и тебя с внученькой господь, не беспокойся ни о чем! – Вера осенила крестным знаменем отъезжающую машину. Приезжайте! Мы, вас будем ждать!

– Спасибо, мамочка! – Обязательно! Приедем! – Наташа, закрыв дверь, в окно махала рукой. И по щекам катились слезы.

Алексей и Вера, никогда ни с кем не вступали в пререкания, никогда ни кому не навязывали свои мнения. Уступчивые, смиренно приветливые, прожили они свою жизнь и выработали свое собственное отношение ко всем превратностям судьбы. Они были убеждены и пытались разъяснить своей семье и другим, что с каждым человеком можно ужиться, потому что в каждом человеке, по их мнению, заложено что-то хорошее и отыскать подход к нему, даже если человек запрягал его за десятью замками.

Никогда Вера не ответила никому злом назло или грубостью на грубость. Ее терпение и смиренная приветливость обезоруживали даже самых грозных людей, и они разговаривали с ней приветливее, чем со всеми остальными.

– Что посеешь, то и пожнешь... – имела обыкновение говорить Вера. – Какой мерой будешь мерить сам, такой и тебе отмерят.

В деревне ее считали честным, но недалеким человеком. Потому что, большинство людей не в силах было понять, почему Вера, за всю жизнь, не сделавшая вреда ни одному живому существу, держалась так робко, точно она была виновата перед своими детьми. До Веры все пересуды не доходили, поэтому она продолжала жить в мире вечного согласия, воздвигнутом ею в своем воображении.

Она остерегалась делать что-либо такое, что нравилось бы одним, но могло не понравиться другим. Она стеснялась своего слабого здоровья, низкого образования, умоляла, не сердится на нее за это. По этой же самой причине, она не позволила дочерям, пойти на выпускной вечер, хотя они обе очень хотели этого.

– Мы с папой прожили свой век без всяких выпускных вечеров, – пояснила мама. – И чем нам плохо? Разве мы от этого стали хуже других людей? Берите пример с родителей – это пригодится в жизни. Часто очень Вера сожалела, о таком воспитании своих детей, но поняла это, довольно поздно.

Прошел год после смерти бабушки Валентины...

Наталия вышла замуж. Она приехала с мужем и дочерью, в отчий дом.

– Папа идет, он, пьян? – говорила Вера.

– Александр, муж Наталии, поспешил помочь тестю, дойти домой.

– Нет! Не надо! Я сам! Я ни кому, ни чего плохо не сделал! – вырываясь у него из рук, пытался объяснить Алексей.

– Давай я тебе помогу! – подбежала к нему, Наташа. – Обопрись на меня.

– Я сам, я сам, – бормотал Алексей, – а, ты... Наташа?

Тогда он понял, кто это ему пытается помочь, засмеялся и принял помощь. Так состоялось знакомство с зятем. Но, потом, они так полюбили друг друга, и нашли быстро общий язык.

На следующее утро Алексей завел разговор с зятем, и они долго, долго громко смеялись, после чего Вера спросила:

– Ну как, весело провел вчера время?

– Ты о чем?

– Дочь родную не признал?

Все хором рассмеялись. – Что у нас на завтрак, Вера? – спросил Алексей.

За завтраком Алексей весело вспоминал вчерашнее знакомство... Татьяна внимательно слушала отца, но не решилась рассказать собравшимся за столом, что, она тоже выходит замуж.

Надо непременно поговорить с Владимиром и убедить его все объяснить отцу. Она уверена в порядочности Владимира, он это сделает...

Несмотря на то, что ему было нелегко переступить порог Алексея, Владимир отправился туда, чтобы попросить руки его дочери. Однако Алексею был приятен поступок Владимира, человека, которому он всегда симпатизировал.

За ужином Алексей рассказал о визите Владимира.

– А какие у тебя с ним отношения? – спросил он Таню.

– Замечательные, папа. Теперь – замечательные!

– Ты выходишь за него замуж? Я рад за тебя. Ты всегда этого хотела. И искренне желаем вам счастья. К чему ворошить прошлое? Что было – то было... Теперь у тебя другая жизнь, другие заботы. Но где-то в уголке ее сердца притаилась тихая печаль, когда она вспоминала Александра.

С большой сердечностью и задушевностью провожали Наталию, Александра и Викторию, – пожелали им всего наилучшего, счастливого пути, дали на дорогу масла, копченого свиного окорока и много других продуктов.

– Вскоре Наталия получает телеграмму – «Папа в тяжелом состоянии. Приезжай срочно. Мама».

– Наташу стала бить мелкая дрожь, словно она сама глотнула из ледяной проруби. Она вдруг отчетливо, очень ясно представила своего отца – больного, измученного... А маму, убитую горем.

– «Нет-нет, нельзя впускать такие мысли в себя! – испугалась Наташа. – Я и в самом деле сойду с ума, если начну думать о плохом!»

Конечно, Наталии предстоят несколько неприятных недель. Но Александр, разумеется, сделает все, чтобы смягчить положение. В моральном и материальном плане. Пусть все внимание Алексею – так необходимо. Они Алексея срочно привезут в городе Волжский и его здесь вылечат. Он будет вместе с ней. Она, Наташа, разумеется, будет постоянно встречаться с отцом, сколько потребуется. Наташа – сильная, уверенная в себе, она обязательно найдет хорошего доктора.

Она стоит и тихо, плачет у окна. Пришел со службы Александр, он, снял обувь и поспешил к Наташи:

– Что случилось? – спросил он. Она молча держала в руках телеграмму.

– Я просто места себе не нахожу. – Сказала она.

– Мы, утром едем, успокойся! Я еду писать заявление, по семейному обстоятельству. Все будет, хорошо! Надо верить, так нельзя! И он ушел.

Только... только бы, она, больше не о чем и думать не могла. И ей стало совсем не по себе.

«– Моя душа вместе с папой и мамой...» – повторила Наташа. Через семь часов, Наталия и Александр были уже в Красноталовке. Вечер был тихим и теплым. Мама приветливым жестом распахнула дверь. Были родные и близкие, все плакали. Папы дома не было, но вскоре подъехала машина, и Наташа выскочила на улицу. Он не мог выйти из машины, увидев его в таком состоянии, – она, приняла решение, ехать немедленно.

К вечеру они были в городе Волжском, он чувствовал себя с каждым часом все хуже и хуже. В тепле поясница разболелась и ноги отекали еще сильнее, так что он, не стал ужинать, она ему помогла встать и прилечь на диван.

Наташа всю ночь не уснула, встревоженная состоянием его здоровья, какая перспектива ее ждала ухаживания за отцом, который мог пролежать долгое время, она готова была ко всему.

Утром рано побежала в больницу. У невропатолога, Дегтярева, она долго объясняла, что необходимо срочно положить в больницу тяжело больного отца.

– Возьмите направление в стационар, в сосудистое отделение, – сказал доктор.

– Стараниями любимой дочери, Алексей в течение получаса был перевезен в больницу. Но он не охал и не стонал – терпеливо вынося боль и непредвиденное стационарное лечение.

– Пожалуй, вас действительно лучше положить в больницу, – сказала врач. – У нас есть свободные койки.

– И долго мне придется лежать? – простонал Алексей.

– Как пойдет лечение... С месяц-то во всяком случае.

– Но у меня дела! Я ни одного дня лишнего не могу лежать.

– Не можете, тогда идите и устраивайте свои дела, – улыбнулась врач.

Наташа, пообщавшись с доктором, просила оставить ее ухаживать за ним. Но ей пообещали должный уход за больным и она смиренно ушла.

До сих пор Алексей ни разу не лежал в больнице. Чистая белая палата, мягкий, нераздражающий свет, разговор, шаги сестер, санитарок и вздохи больных, он не слышал, только чувствовал запах лекарств – все казалось ему необычным и странным.

Алексей не мог уснуть до утра. Перевернувшись к стене, он уже не смог перевернуться назад. Мысль о Вере, как она теперь? – не давала ни минуты покоя. Алексей крепко стиснул зубы, чтобы не застонать.

– Новый больной такой спокойный, – удивленно сказала санитарка дежурной сестре.

– Крепкий духом, не смотря на то, что у него сильные боли и весь отечный, – ответила сестра.

Знала бы она, как ему плохо, и что он уже не мог совсем подняться, но разве можно было сравнить эту боль с нетерпимыми муками, которые терзали сердце Алексея. Конечно, главным страдальцем во всей больнице был он.

Под утро удалось уснуть, но тут стали одолевать кошмары: Алексей видит, как его жена, Вера, – везет, его, в телеге на гору. Лошадь еле-еле поднимается, ей, очень тяжело, с большим трудом, но, все же выехали, на самую верхушку горы.

– У-у, господи! – крикнул он не своим голосом и проснулся весь в поту.

Утром Наташа подошла к кровати и тихонько прикоснулась к нему. Он, не поворачиваясь к ней, попросил помочь ему встать и отвести его в туалет. Потом, она, ему помогла умыться и предложила завтрак, который принесла. Потом у него пошли процедуры и лечение. Он попросил ее уйти, не хотел беспокоить... И она ему, неохотно, но, подчинилась.

Алексей понемногу стал знакомиться с соседями по палате. Выздоровливающие читали газеты, подсаживались к соседям и играли в карты, выходили в коридор выкурить папиросу. Разговор зашел о том, как в Елани, его накрыло стеной: собирали восемь человек сборный дубовый дом, зимой. Укрепили стены и уже, собирались уезжать домой, в конце рабочего дня. Вдруг поднялся сильный ураган и стены начали рушиться и падать. Кто слышал и видел, ринулись отбегать, его, даже, не успели оттолкнуть. Он, оказался, накрыт и вмят в снег, полностью всей стеной. Не раздумывая, сын, кинулся первым, ему на помощь, а за ним, все остальные, начали помогать ему. Николай и коллеги, помогли его посадить в машину, и сын его повез в районную больницу, но прежде, заехали за Наташей на работу. Оказали ему необходимую помощь и как всегда, он, от стационарного лечения отказался. И хотя многие занимались тяжелым физическим трудом и здесь могли отдохнуть, всем не терпелось вернуться домой, скорее взяться за работу. Рассказывал Алексей, соседям по палате.

– Вы, наверно, нездешний? – спросил у Алексея старик, отложив в сторону газету. – Не из Волжского?

– Да, из Елани, Волгоградской области.

– Проездом здесь?

– Нет. Дочь, за мной приезжала! Проклятая болезнь подвела, пришлось вот слечь. В Елани доктора, мне, уже сказали, – что, я, не жилец! Выписали меня, я, вот и мучился, две недели...

– Сволочи! Это хорошо, что есть дочь! Полечат Вас, опять будете ходить.

– Мне залеживаться нельзя, работа не позволяет.

– А Вы где работаете?

– Плотником в цехе, – нехотя ответил Алексей и застонал, давая понять, что ему не до разговоров.

Но старик не отступал.

– Хорошая вещь стройка? Кому от нее больше пользы: населению или самим мастерам?

А ты один работаешь?..

«Иди ты к черту и оставь меня в покое...» – подумал Алексей и прежде чем, закрыть глаза ответил: – Нет, у меня два помощника, но, без меня, они, ни чего сами не смогут.

Так прошло две недели.

В шестом часу в палату торопливо вошла Наташа и сообщила, о том, что она разговаривала с доктором: Дела твои идут на поправку, если так и дальше, лечение пойдет, то, недели через две и домой, – сказала она, улыбнувшись ему. Сегодня она была недолго и ушла.

– Просто замечательно! Какая теперь жизнь начнется! Я буду как новенький! Надо было срочно сообщить Вере. Он позвал санитарку. Будьте так добры, дайте мне бумаги и ручку. Устроившись удобнее в постели, Алексей начал сочинять текст письма.

Все засмеялись. Больные долго еще не могли успокоиться. Ах, какой шустрый... говорили они. Отдохни, успеешь, еще наработаться!

На следующий день он попросил Наташу отправить письмо. Стало как-то легче на душе: «Вера обрадуется, когда прочтет его письмо, поймет, что скоро будет дома. Она молодец». Пройдет время, терпением, трудом, упорством и надеждой можно много достигнуть.

– «Дорогая мамочка. Пишу это письмо, чтобы узнать, как вы живете. Сообщаю вам, что у нас, все идет хорошо. Думаю, папу как минимум еще недели две будут лечить. О нас не беспокойтесь, все в порядке. Крепко обнимаю, твоя любящая дочь Наталия».

– Какая новость! – Взволнованная от радости вздохнула Вера. – Столько намучился здесь, и, вот какой результат. У меня нет слов, Людочка. За месяц, и папе уже легче. Он скоро будет дома, милая моя.

– Ну, ну! – усмехнулась, обрадовавшись, Людмила. – По-моему, этого вполне достаточно лечения, и он уже готов примчаться домой. Видишь, что он пишет? «Он уже вполне здоров и готов, даже бегать...»

Вера задумчиво посмотрела на письмо, потом перевела взгляд на дочь, и уже не скрывая радости, спросила:

– Он скоро будет дома, да? Я чувствую, мое сердце никогда меня не обманывало.

Доктор уже не мог удержать Алексея. Пытался продлить срок его пребывания – ничего не вышло: он наотрез отказался.

Алексей чувствовал себя уже намного лучше, но еще нужно было долечиться.

– Не беспокойтесь, доктор. Вы были так добры, и внимательны ко мне... Я никогда, не забуду этого. Я вам очень благодарен. Возможно, мы с вами больше никогда не увидимся. И я хочу вам сказать спасибо за все, что вы сделали для меня.

Он вышел на улицу. Прямо у входа его ждала Наталия, зажав в руке несколько бумажек, данных ей доктором, а другой – обхватив и прижимая к себе любимого своего отца, они перешли дорогу. И снова, как всегда направились пешком к ее дому.

– Уже на следующее утро Алексей уехал домой.

Обойдя территорию, Алексей зашел в цех погреться. Он записал, кому, какие дать распоряжения. Он ни чего не забыл, ничего не упустил.

Утро уже наступило, стали сходитьсь рабочие. Подождав когда все собрались, Алексей каждому дал свое распоряжение. Как говорится, могут работать все лесопильные станы, все наши подсобные цеха. Николай и Василий смеялись, громко высказывали свои сомнения.

Прошло восемь лет.

С тех пор у Алексея с Верой произошло много разных событий. После свадьбы, Людмилы с Владимиром прошло одиннадцать лет и их сыну, семь лет.

В семьдесят три года, прожив в доме пятьдесят три года, после своей свадьбы, они решают уступить его дочери. А сами перейдут жить в кухню, которая находится рядом и строилась намного позже.

Бывают в жизни минуты, когда необходимо рассказать о том, что наболело, что не дает спокойно жить. И с этой исповедью часто стал обращаться к ним сын – как быть дальше. – Ведь в совете близкого всегда есть доля субъективности, он знает слишком много, чтобы бесстрастно рассудить, посоветовать, предостеречь, охладить горячую голову...

Николай не находил себе места. У него снова будет ребенок, пятый ребенок! Он появится, он будет жить и это, несомненно, будет сын. Много лет назад мечтал, что передаст опыт единственному сыну – наследнику. Это дар божий, думал Николай.

– Его назовем Алексей, как и его дедушку... Алексей. Лицо Николая словно засветилось изнутри, когда он произнес это имя. И с этими мыслями он едет в отчий дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.